

Игорь БОЙКОВ

ДЗЕРЖИНСКИЙ 119

(НЕДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БЫЛЬ)

Игорь Бойков

**Дзержинский 119-й
(Недокументальная быль)**

«Книжный мир»

2016

Бойков И. А.

Дзержинский 119-й (Недокументальная быль) / И. А. Бойков —
«Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0828-2

Роман петербургского писателя и публициста Игоря Бойкова «Дзержинский 119-й» погружает читателя в атмосферу бурных политических битв начала 2000-х, которые известны автору не понаслышке. Главный возмутитель спокойствия тех лет – созданная Эдуардом Лимоновым радикальная партия – пытается вытащить своего вождя из застенков Лефортовского СИЗО, обеспечив его депутатским иммунитетом в результате победы на выборах в городе Дзержинске. На этом историческом фоне автор пишет коллективный портрет молодой гвардии грядущей России: юные и бескомпромиссные, наивные и упорные, «партийцы»-лимоновцы вступили в неравную борьбу с системой. Они проиграли, но столкновение с реальностью изменило жизнь каждого из них. Уникальная, но неизвестная до сих пор широкой российской общественности политическая схватка в Дзержинске – это уже страничка новейшей истории России, знать и помнить которую надо каждому патриоту нашей страны.

ISBN 978-5-8041-0828-2

© Бойков И. А., 2016
© Книжный мир, 2016

Содержание

От автора	6
Глава I	7
Глава II	17
Глава III	22
Глава IV	26
Глава V	31
Глава VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Бойков Дзержинский 119-й (Недокументальная быль)

© И. А. Бойков, 2016

© Книжный мир, 2016

* * *

Игорь Андреевич Бойков (1982), преподаватель, член Союза писателей и Союза журналистов России. Статьи и литературные произведения публиковались в журналах «Аврора», «День и ночь», «Молодая гвардия», газете «Завтра», в АПН.ру и других интернет-изданиях. В 2011 г. в издательстве «Алетейя» вышла его книга – сборник повестей и рассказов о современном Кавказе «Жизнь, прожитая не зря».

От автора

Я закончил писать этот роман три года назад. Путь, который произведение проделало, дабы попасть в руки читателя, был долог и извилист. Пока книга искала своего издателя, изменилось и наше общество и наша страна. Но тогда, в 2012-м, до начала майданного мятежа в Киеве оставался ещё целый год. Естественно, и о триумфальном возвращении Крыма никто у нас не мечтал. Не восстал ещё Донбасс. Не горели мученики в одесском Доме профсоюзов. Не сражалось с бандеровцами ополчение Новороссии. Не произносили первые лица страны речей о защите русского мира... В общем, много важного, я бы даже сказал, судьбоносного, произошло с того дня, как была завершена работа над книгой.

Сейчас, просматривая текст перед сдачей в печать, невольно переосмысливаешь те оценки людей и событий, которые были даны в повествовании и особенно в эпилоге. Не без гордости замечу, что ход политических процессов в России подтвердила мою правоту в главном. Либералы-западники, все эти Каспаровы, Касьяновы, Навальные и прочие деятели аналогичного толка – откровенные недруги нашей страны. Они сполна доказали это в донбасской войне словом и делом. Следовательно, любая смычка с подобными силами, любая уступка в пользу тех, кто призывает ради свержения действующей власти пойти на «союз с дьяволом» (сразу оговорюсь, мне наша действующая власть, мягко говоря, не импонирует) – это прямое предательство идей русского патриотизма. А ещё шаг к новому, ещё более тяжкому, чем в 1991 году, разгрому нашей Родины. Ведь вышеупомянутые деятели к нему обязательно поведут, окажись они на вершинах власти. Такова реальность, и любой ответственный гражданин должен её принимать.

Замечу, что трагические события последних полутора лет изрядно отрезвили многих из тех, кто в середине «нулевых» был одурманен оранжевым мороком и грезил майданом в Москве. Вот и Эдуард Лимонов с его «Другой Россией» оказался теперь в стане защитников Новороссии, искренне радуется победам ополчения и пишет гневные отповеди вчерашним либеральным союзникам. Десятки его соратников – как бывших, так и действующих – отправились на фронт добровольцами. Некоторые даже сложили головы, защищая от вражеского нашествия русские города. Печалит, конечно, что для подобного прозрения потребовались бандеровские зверства на Украине, усиленные беспрецедентной психологической атакой на наше общество в либеральных СМИ, но лучше всё-таки поздно осознать истину, чем вообще никогда. Важно, что большинство из тех, кто был и остаётся сродни героям моего повествования, поняли, наконец, что на протяжении ряда лет заблуждались. Национал-большевистское движение в России в прежнем своём виде, разумеется, не возродится, но остаться в истории в роли искренних и самоотверженных защитников русских земель у него шансы есть. И это, согласитесь, немало.

Глава I

В Москве стояла зима: морозная, тусклая, с обледенелыми, потемневшими от грязи сугробами вдоль тротуаров. Улицы регулярно посыпали солью, отчего снег с них быстро ставал, и ровный, иссушённый холодом, в белёсых разводах асфальт выглядел неприятно обнажённым.

В это раннее февральское утро Глеб бодро выскочил из уютного, продуваемого тёплыми сквозняками, вестибюля станции метро «Фрунзенская», зябко вздрогнул и, оглядевшись по сторонам, сбегал в подземный переход, чтобы вынырнуть из него уже на другой стороне широкого и ещё не запруженного машинами Комсомольского проспекта.

Желая сократить путь, он почти сразу же свернул во дворы, ещё тихие и пустынные в такой час.

На сей раз, он свернул там, где надо, и не запутался, как это случалось ранее, а вышел ими точно напротив светлокирпичной многоэтажки, чьи «Г-образные» корпуса высились прямо на пересечении двух улиц.

В одном из их просторных, разделённых многочисленными перегородками подвалов размещалась штаб-квартира известной на всю страну радикальной партии, члены которой звали ее меж собой кратко и строго, почти по-военному – «бункер». Парни и девушки, и совсем юные – шестнадцати- и семнадцатилетние, и постарше – которым перевалило уже за двадцать, съезжались в него со всех концов России.

Кто только ни встречался в этом «бункере»: и выходцы из русской глубинки – светлолицые, задумчивые ребята с потаённой грустинкой в глазах, и плечистые, немногословные сибиряки, и обстоятельные, неспешные уральцы, и прибалтнённые смоляне в неизменных спортивных шароварах, и грубоватые «качки» из шахтёрских посёлков, и неопрятные панки с цветастыми «ирокезами» на головах, и даже выбритые по-скинхедски юнцы с нарочито суровыми, арийскими лицами...

Эта несхожесть бросалась в глаза всякому, переступавшему порог «бункера» впервые. Истинных её причин, за исключением самих партийцев, не понимал тогда практически никто: ни зачавшие сюда в последнее время журналисты, ни даже выдавшее виды политики, также начавшие присматриваться к обитателям штаба на Фрунзенской всё пристальнее, на свой, правда, сухой, прагматичный лад. Потому людям в партии оставалось лишь снисходительно посмеиваться, слыша в очередной раз всё те же наивные, по-дилетантски неуклюжие вопросы. Они не стремились лезть в споры, казавшиеся им совершенно бесплодными, кого-то в чём-то разубеждать. Но их непреклонная вера в собственную правоту поражала окружающих не меньше, чем странный, вызывающий вид.

Глеб, тогда молодой, неистовый партиец, читающий взахлёб Устрялова, Никиша и Дугина, оказался в «бункере» пару лет назад. К тому моменту он уже был известен в кругах соратников, в том числе и московских. Его сияющее, оскаленное в яростном крике лицо («Сегодня с плакатом – завтра с автоматом!»), ловко выхваченное фотографами из колонны одетых в чёрное молодчиков, нарочито громыхающих тяжёлой обувью по ровному асфальту провинциального проспекта, попало аж в центральную прессу. «Штурмовик» – стояла под фотографией лаконичная подпись.

В тот раз он увязался в Москву вслед за «гауляйтером» (так на партийном жаргоне именовали вожаков региональных отделений), едва лишь узнал, что того зовут в столицу для какого-то важного разговора. Глебу со страшной силой хотелось, наконец, лично побывать в том самом «бункере», о котором партийцы и даже просто неформальная, неконформистская молодёжь слагала целые легенды.

В первый раз он спускался по каменным ступенькам короткой, но крутой лестницы в сильном волнении, предвкушая, что увидит за бронированной дверью подвала нечто особенное, небывалое.

Предчувствие не обмануло, ибо первое, что ему бросилось в глаза, едва только он переступил порог «бункера» – это большой, во всю стену, необыкновенно выразительный плакат с Фантомасом, висящий прямо напротив входа. С него легендарный киногерой направлял зловеще темнеющее дуло револьвера на всякого вошедшего, и глаза его, чётко выведенные на бесстрастной, бледно-зелёной маске, глядели неумолимо.

Пока «гауляйтер» переговаривался с молодым парнем, сидевшим за массивным столом с прикрученной к нему ироничной табличкой «дежурный по полку», Глеб с нескрываемым восхищением разглядывал Фантомаса, озарённого кроваво-красными, точно на японском военноморском флаге времён Второй мировой, лучами восходящего солнца. «Вставай, проклятьем заклеймённый!» – алела под изображением грозная надпись.

– Лебедева-Фронтонина работа. Это художник наш партийный, из Питера, – перехватив его взгляд, не без гордости пояснил парень.

В этот момент из длинного мрачного коридора, ведущего из приёмной комнаты вглубь подвала, показался невысокий сухощаво-подтянутый человек, который, быстро подойдя к ним, с радушной, но немного усталой улыбкой, приобнял «гауляйтера» за плечо:

– Ну, здравствуй, Витя, здравствуй!

– Вот, Евгений Сергеевич, познакомьтесь, – и Витя легонько подтолкнул Глеба вперёд. – Это наш партиец, год уже в организации. На этом Первомае, когда наша колонна ломилась сквозь ментовское оцепление, одним из первых на «космонавтов» бросился. Помните, я вам ещё статью про это месилово для «Лимонки» с проводником передавал?

– Помню-помню, – живо закивал бородатый. – Отличная статья получилась, отличная.

Его овальное лицо, с тонкими, будто прорисованными кистью чертами, внимательный взгляд светлосерых глаз, густая тёмно-русовая борода по грудь, мягкий умиротворённый голос произвели на Глеба неизгладимое впечатление.

«Прям на попа похож», – подумал он.

Польщённый, что ту свалку с ОМОНОм, горделиво именуемую в их отделении «первомайским прорывом», помнят в Москве до сих пор, Глеб протянул Евгению Сергеевичу тонкую, ещё неокрепшую руку и назвал своё имя.

Так два года назад завязалось их знакомство.

С тех пор Глеб бывал в Москве неоднократно: и по делам, и просто, повидаться с товарищами. Приезжал однажды осенью на «Антикап» (так партийцы для краткости именовали традиционное антибуржуазное шествие, проводимое совместно с разного рода леваками), во время которого при натиске демонстрантов на милицейский кордон сорвавшийся с поводка ротвейлер до полусмерти изгрыз неудачно подвернувшегося ППСника. Но более всего его манили рок-концерты, проводившиеся прямо в «бункере», в зале для собраний, зачастую сразу же после уличных акций.

– Ре-во-лю-ция! Ре-во-лю-ция!! – рявкали десятки молодых лужёных глоток.

Сначала на митингах, среди плотно оцепленных милицией площадей это слово выкрикивали остервенело и отрывисто, словно боевой клич перед сражением. Затем, вечером, в душном, забитом под завязку подвале – уже веселее, мечтательнее, почти с любовью. Музыканты, расположившись буквально в метре от переднего ряда зрителей, играли на фоне развёрнутого во всю стену, прямо за их спинами, алого полотнища с чёрным серпом и молотом в белом круге посередине.

– Ре-во-лю-ция!!! – вопил уже порядком захмелевший Глеб, отчаянно прыгая в этой кутерьме потных, разгорячённых тел и тряся над головой полураздавленной пластиковой бутылкой, с горлышка которой разлетались в стороны хлопья пивной пены.

В тот миг он ни секунды не сомневался в том, что нет на свете лучшей доли, чем навеки, до конца жизни оставаться с этими ребятами, которые были прямодушны, горды, по большей части бедны и искренне мечтали о том, чтобы в России, наконец, произошла революция.

Минуло два года.

Их вождя, писателя-бунтаря Эдуарда Лимонова, весной 2001 года арестовали на Алтае, на одинокой пасеке посреди горной тайги. По телевидению сказали, что он опасный террорист, вместе с группой сподвижников готовивший вооружённое вторжение в соседний Казахстан.

– Они там русских защищать собирались, – пояснил Глебу «гауляйтер». – Сам знаешь, у этого Назарбаева они почти как рабы.

Оставшийся в Москве Евгений Сергеевич сделался теперь в партии вторым человеком, руководя вместе с ближайшими соратниками всей организацией, ячейки которой продолжали множиться, раскидываясь по всей шире страны: от Калининграда и Петербурга до самого Дальнего Востока. Во многих и многих городах тогда стихийно собирались, стекались сами собой, возникая порой неожиданно и внезапно, ватаги отчаянных ребят, надевавших на руки красные повязки и поднимавшие партийный флаг. Тот самый – алый, с белым кругом и чёрным серпом и молотом в центре.

– В Магнитогорске у нас возникло новое отделение!.. В Ижевске!.. В Махачкале! – то и дело воодушевлённо сообщал он в «бункере» в конце очередного собрания, срывая торжествующие аплодисменты партийцев.

Повзрослевший, возмужавший Глеб сделался по-настоящему уважаем старшими товарищами. Мало кто из них мог сказать, что пашет на организацию столько же, сколько он. Глеб попевал всюду, не воротя нос даже от самых скучных, рутинных дел: будь-то изготовление к акции растяжки,¹ продажа газеты на воскресном пикете возле входа в центральный парк или подача уведомления о проведении митинга в городскую администрацию.

В то время Интернет ещё был доступен очень немногим, и материалы для газеты, документы и фотографии в случае крайней срочности партийцы передавали в столицу с пассажирскими поездами. И это в их городе чаще других делал Глеб, поскольку как-то быстро и легко сумел договориться с одним из проводников, согласившимся отвозить такие посылки регулярно и за небольшую плату. Последнее обстоятельство было особенно важным, поскольку организация, существуя почти исключительно на членские взносы и редкие разовые вспомоществования различных сочувствующих, практически всегда испытывала острую нужду в деньгах.

Глеб, уже на протяжении полугода входя в так называемый «исполком» – группу старших, наиболее авторитетных партийцев при руководителе отделения, вполне мог бы и не заниматься всем этим лично, перепоручая подобные дела ребятам помоложе. Однако предпочитал делать всё сам, с нехарактерной для его возраста серьёзностью повторяя время от времени:

– В деле революции мелочей не бывает.

Надо сказать, представление Глеба о революции было, в общем-то, весьма туманным. Определяли его содержимое нескольких запоем прочтённых книг и прослушанных музыкальных альбомов: Лимонов, Летов, дневники Че Гевары, Николай Островский...

Впрочем, это обстоятельство не мешало ему страстно её желать – немедленно, сейчас! Она представлялась одновременно и чем-то неотвратимо грозным, словно быстро приближающийся тёмный, смертоносный смерч, и в то же время – светлым, радостным, точно улыбка близкой, желанной женщины. С первых своих дней в партии он твёрдо верил, что революция в России обязательно произойдёт, что она не может не произойти, ибо настоящее совершенно искренне виделось ему несправедным и отвратным.

Однако сейчас вместо революции на партию накатывала избирательная кампания.

¹ Растяжкой называют длинный прямоугольный транспарант, края которого закрепляют на палках. (Прим. автора)

Это ради участия в ней Глеб сорвался теперь в Москву, чтобы оттуда выехать уже в родной для Лимонова город Дзержинск, где через пару месяцев должны пройти выборы в Государственную Думу среди кандидатов-одномандатников.

Выборы были внеплановые, внеочередные, так как парламенту, избранному немногим более двух лет назад, предстояло отработать ещё почти столько же. Лишили ли вдруг кого-то из действующих депутатов своего места, умер ли кто из них внезапно – подобными подробностями Глеб не поинтересовался. Он думал о другом: вся организация добровольно впрягается в масштабную кампанию, конечной исход которой зависит теперь едва ли не от каждого партийного активиста.

– Если нам удастся выиграть выборы, то это будет автоматически означать, что Эдуард Вениаминович выйдет на свободу, – объявил на собрании их «гауляйтер». – Вступит в силу закон о депутатской неприкосновенности. К тому же, – присовокупил он, сделав важное лицо и явно желая подбодрить собравшихся, – мне в Москве сказали, что есть договорённость с КПРФ: если Лимонов идёт на эти выборы, то они снимут своего кандидата в его пользу.

По лицам партийцев, однако, пробежали скептические улыбки: мол, как же, знаем мы эту КПРФ... Кто-то даже, презрительно покривившись, выразил это общее настроение вслух:

– Ага, снимут они своего человека, обкомычи эти! Держи карман шире...

Тогда «гауляйтер» нахмурился и, как можно внушительнее выговаривая каждое слово, произнёс в ответ:

– Слушайте, снимут – не снимут, а работать на выборах надо. И не просто работать, а пахать. Поняли? Пахать. Вы что, не видите: у нас же появился реальный шанс вытащить вождя из тюрьмы!

Глеб не мог не откликнуться на этот призыв. Он боготворил Лимонова, восторгался им, хотя до сих пор так ни разу и не увидел его воочию, живьём. Всякий раз, при каждом приезде в Москву, всё как-то не складывалось: председатель партии бывал либо в отъезде, либо в те дни просто не заходил в «бункер». Однако худошавое, смуглое, с остроконечной бородкой лицо, виденное по телевизору и на газетных фотографиях множество раз, впечаталось в память Глеба накрепко, словно штамп в бумажный лист. Он полагал, что писатель-революционер так и должен выглядеть: моложаво, экстравагантно и элегантно.

Партийцы во всех отделениях зачитывались его хлёсткими, забористыми статьями в «Лимонке», знали наизусть целые куски из его вызывающих, безапелляционных книг. В их юных душах росло чувство восхищения, даже преклонения перед этим страстным, неуспокоенным человеком. Который, в отличие от подавляющего большинства остальных современных писателей и, уж тем более, политиков, был прост и понятен именно им – ребятам из пустеющих, дичающих городов России.

Родители Глеба, однако, совсем не одобряли такого увлечения. Известие о том, что их сын сделался членом политической партии, да ещё с такой неоднозначной репутацией, повергло их поначалу в шок, который затем сменился тяжким гневом.

– Да урод он, Лимонов твой! – не раз кричал ему со злостью отец, измождённый, до времени сдавший и изрядно пьющий инженер-путеец. – Использует только вас, дураков молодых, чтоб самому пролезть повыше. А вы и развесили уши, смотрите ему в рот как овцы!

Глеб чаще угрюмо отмалчивался, иногда огрызался с досадой, но в споры почти никогда не вступал, осознавая их бесполезность. Да и не глупо ли было спорить о революции с этим понурым, разочарованным человеком, который, присаживаясь иной раз возле телевизора, уже через пару минут безостановочно начинал костерить абсолютно всех: президента, министров, депутатов, губернатора, звёзд шоу-бизнеса, телеведущих и даже футбольных комментаторов, раздражавших его «своим тупизмом»? Поэтому, как только взгляд отца, пришедшего поздним вечером навеселе, падал случайно на раскрытый номер «Лимонки» или какую-нибудь забытую

на столе листовку, Глеб тут же поднимался и, плотно поджав губы, торопился в другую комнату, дабы не слышать его занудно ворчливого гудения:

– А, опять свою дрянь притащил? Опять...

Он скрыл от родителей, что собирается в Дзержинск и что его поездка, вероятно, затянется надолго. Тихонько собрав накануне вещи и уходя, вернее, почти убегая от всполошившейся не на шутку матери (отца, по счастью, не было дома), буркнул только в дверях, мол, успокойся, в Москву я еду на пару дней, «на концерт». И затопал поскорее по лестнице вниз, на улицу.

«А дальше сочиню ещё чего», – решил он тогда, не слишком отягчая себя стремлением придумать что-нибудь по-настоящему убедительное.

Да, он любил мать – нервную, порой, крикливую женщину, измученную многолетним пьянством мужа. Но она редко понимала его теперь, относясь к партии почти так же, как отец: подозрительно, с упрямой враждебностью. Порой Глебу казалось, что если бы он сам с младых лет вместо занятий политикой начал безудержно пить, как некоторые парни-ровесники со двора, то мать отнеслась бы к этому терпимее, чем к партии. И, быть может, со временем даже приняла с кроткой обречённостью. Мало ли вокруг молодых алкоголиков! Зато митинги, демонстрации, газета «Лимонка», приходящие из судов постановления о штрафах, звонки из милиции, визиты участкового – всё это было для неё странно и дико, будило недоверие, страх. И Глеб, сколько над этим ни думал, решительно не мог понять, как, чем он может его развеять...

Однако сейчас, подходя к «бункеру», он уже не вспоминал о вчерашнем разговоре с матерью, о её взволнованных, пытливых расспросах. Он предвкушал радость от встречи с московскими ребятами, многих из которых давно уже почитал за своих приятелей, почти друзей, не раз деля с ними не только кров, но и жёсткие нары столичных «обезьянников».²

Внимательно оглядевшись по сторонам – не примостился ли где-нибудь поблизости милицейский УАЗик или же просто малоприметная с виду легковая машина с затемнёнными стёклами (на подобных обычно любили разъезжать «пасущие» партийцев «опера»), он перешёл улицу, обогнул угол дома, быстро спустился по отполированным тысячами ног крутым лестничным ступенькам и забарабанил кулаком в крепкую железную дверь. Он предполагал, что стучать придётся долго, поскольку обитатели «бункера» в такое время ещё, как правило, спали, однако, к своему удивлению, почти сразу услышал быстро приближающиеся шаги.

– Кто там? – спросил звонкий голос.

Глеб назвал себя и город, из которого приехал.

Лязгнул засов, и из-за открывшейся двери высунулась миловидная, но показавшаяся совершенно незнакомой девичья мордашка.

– Привет! – сказал Глеб.

– Привет! – отозвалась девушка, но внутрь, однако, впускать не спешила.

– Евгений Сергеевич здесь? – спросил он по-деловому, но затем, спохватившись, объяснил. – Я на выборы приехал.

Тогда она понимающе улыбнулась, растворила дверь пошире и, отодвигаясь в сторону, дала ему войти:

– Да, здесь. Как раз говорил, что регионалов ждёт.

Глеб вошёл внутрь, незаметно окинув девушку коротким, заинтересованным взглядом. Она была ещё совсем молодая, лет двадцати, не лишённая изящества, но очень уж тонкая, узкая в кости, отчего выглядела худой, даже костлявой. Её острые, обтянутые белой кожей ключицы заметно выпирали сквозь широко распахнутый ворот рокерского балахона, а на бледный, слегка выпуклый лоб падала прядь густых, выкрашенных в ядовито-красный цвет волос.

² «Обезьянник» – жаргонное обозначение камеры предварительного заключения в отделе милиции. (Прим. автора)

Этот неестественный цвет, который Глеб обозвал про себя «вырви глаз», вдруг неясно вспомнился. Наверное, он всё же видел здесь эту девушку, скорее всего, на одном из концертов, но спросить прямо почему-то постеснялся.

– На кухне он сейчас, чай пьёт, – продолжила она тем временем. – Встал только недавно.

В приёмной стол «дежурного по полку» пустовал, поэтому Глеб, недолго думая, направился мимо него по коридору, туда, где с левой стороны невысокой деревянной перегородкой было отгорожено небольшое помещение, с электроплиткой в углу и длинными деревянными лавками, придвинутыми к низкому столу.

– Да, смерть! – приветствовал Глеб сидящих за ним людей.

Возглас «Да, смерть!» являлся официальным партийным приветствием, наводившим ужас на многих обывателей, но, вместе с тем, живо привлекавшим в ряды партийцев людей решительных, дерзновенных.

Поначалу Глеб плохо понимал его истинный смысл, заморожено реагируя лишь на ту форму, в которой оно обыкновенно употреблялось (зычный выкрик, сопровождавшийся вскидыванием вверх правой руки со сжатым кулаком). Самозабвенно его выкрикивал, вскидывая кулак, и сам, особенно во время уличных шествий. Та ещё картина получалась: несколько десятков парней дружно впечатывают берцы в асфальт, синхронно потрясая при этом кулаками: «Да, смерть! Да, смерть! Да, смерть!», а остальные участники протестной демонстрации, не говоря уже о толпящихся на тротуаре зеваках, только молча взирают на них – кто с изумлением, а кто и с испугом. Это заводило партийцев ещё больше – и они громыхали ногами поённое, кричали громче, надрываясь до хрипоты: «Да, смерть! Да, смерть! Да, смерть!».

Евгений Сергеевич неоднократно и терпеливо разъяснял партийцам, что их приветствие заключало в себе огромную философскую глубину, и при всём внешнем сходстве его нельзя было и близко сравнивать ни со знаменитым кличем испанских фалангистов «Viva la muerte» («Да здравствует смерть!»), ни с известным латинским изречением «momento mori» («Помни, что умрёшь»). Их партийное «Да, смерть!» органично включало в себя и то, и другое: и нарочито лёгкое, даже дразнящее отношение к тому, чего в душе боится всякий, даже самый храбрый человек, и спокойное, фаталистичное осознание неизбежности жизненного финала. Подобное приветствие с самого начала настраивало партийцев на очень серьёзный лад, невольно заставляя каждого из них помнить о том, что повседневные партийные дела направлены в будущее, устремлены в вечность, и что когда придётся сражаться за Родину, то пощады не будет ни врагам, ни себе. И чем дольше Глеб находился в партии, тем отчётливее начинал это понимать.

Первым навстречу поднялся Евгений Сергеевич, невольно заслоня размашистую надпись, выведенную чёрной краской во всю кухонную стену: «Все заслуги перед Партией аннулируются в полночь!». В последнее время этот лозунг превратился в подлинное кредо партийцев, ценивших в людях не только преданность организации, но и скромность.

– Ну, здравствуй, дорогой, здравствуй! Спасибо, что приехал, – энергично потряс он протянутую Глебом руку и указал на лавку напротив себя. – Давай, располагайся, чайку для начала выпей с дороги.

Глеб сбросил с плеча свою лёгкую спортивную сумку и сел рядом. Ему пододвинули чашку, сахарницу и раскрытую пачку чая.

– Ну, как? В Дзержинск-то скоро? – спросил Глеб, по старой бункерской традиции засыпая ложечкой заварку прямо в чашку.

– Скоро-скоро, – кивнул Евгений Сергеевич, прихлёбывая. – Часть наших ребят уже там, квартиру двухкомнатную на днях сняли. Те, кто поедет на выборы, будут жить в ней. Условия, конечно, спартанские, но ничего не поделаешь – почти все деньги ушли на залог в избирком.

– Мы же на этот раз подписи собирать не стали, а сразу денежный залог внесли, – пояснил сидящий прямо напротив Глеба малорослый, слегка сутуловатый парень. На его черепе с

левой стороны, сквозь коротко стриженные волосы отчётливо проступал белесый, в форме лошадиной подковы шрам. – К чёрту эти подписи! А-то будешь так неделями по домам ходить да собирать, а избирком возьмёт и зарубит их на самом флажке.

Он тоже поднёс кружку к губам и, прежде чем сделать глоток, ворчливо фыркнул:

– Знаем, проходили.

Глеб вспомнил, что год назад партийцы пытались выдвинуть только что арестованного Лимонова кандидатом на выборах губернатора Нижегородской области, и тогда избирательная комиссия действительно забрала ровно столько кропотливо заполненных подписных листов, сколько требовалось для вынесения отказа в регистрации.

– Ага, – подтвердил он. – Из нашего отделения в Нижний тогда Чемодан с Ефрейтором ездили.

– Помню я этого Ефрейтора, оловый партиец. Мы с ним с гопарями местными однажды не на шутку сцепились, – охотно подхватил парень со шрамом, явно обрадованный внезапно всплывшим воспоминанием. – Подписи по домам собирали вдвоём, а они докопались в каком-то дворе – мол, кто такие, чего в нашем районе делаете, ну и так далее.

Глеб слушал стриженного уважительно, не перебивая, ибо знал, что это сам Дима Бубнов – стародавний, почитаемый всеми партиец. Пять лет назад, когда Глеб ещё ходил в школу и совсем не интересовался политикой, тот уже был известным активистом, ездил в Среднюю Азию с горсткой партийных смельчаков, где они собирались участвовать в русском восстании. Затем, сумев чудом вернуться назад живым, своими руками обустроивал этот самый подвал, мешал раствор, таскал кирпичи и песок, пилил доски, красил. Лимонов вывел его в нескольких книгах, создав запоминающийся образ стойкого непреклонного бойца, живую легенду организации, рассказы о которой не первый год гуляли по всем отделениям. Сейчас, сидя за чаем на тесной бункерской кухоньке, Глеба наполняло чувство неизъяснимой гордости – ведь он знаком, запросто общается с людьми, о которых уже сейчас пишут в книгах, и кто – он был абсолютно в этом уверен – впоследствии обязательно войдёт в учебники истории.

– Да, – продолжал свой рассказ Бубнов, будто не замечая того впечатления, которое производит на собеседника. – Конкретный махач вышел. Мы вначале хотели на словах отбазариться – и так с ними говорим, и этак. Но конкретные нам гопники попались, упёртые, поэтому видим, что никак, не разойтись по-хорошему. Ну, Ефрейтор тогда с ходу втащил одному прямо в пятак – тот сразу и отъехал. Зато другой цепь достал – и на меня. Машет ею, орёт, мол, урою на хрен! А я ещё в руках папку с подписными листами держу, всё уронить боюсь – мы ведь тогда с самого утра ходили по квартирам, уже штук пятьдесят этих подписей на двоих насобирали. Но всё равно бросать пришлось – иначе б хана. Схватил я тогда с земли палку – и гопарю по ногам. А тому хоть бы что – пьяный, боли не чувствует, прёт вперёд и всё. Хорошо, Ефрейтор ему тогда сзади хорошенько по чайнику звезданул, в самую репу. Пока он чухался, я папку с бумагами подхватил, и мы втопили.

– Если в Нижнем так, – усмехнулся один из сидевших рядом, – то в Дзержинске вообще, наверное, труба будет полная. Там-то, небось, вообще одни гопники.

– Ну, гопники – не гопники, а работать надо, – протянул Евгений Сергеевич, затягиваясь сигаретой. – Ситуация у нас непростая: КПРФ выдвигает в этом округе своего кандидата – некоего Владимира Басова. У них там много чего прикормлено: «красный губернатор» в области, Ходырев этот, главы администраций кое-где свои. Но всё равно очень многое зависит от нас самих. Эдуард Вениаминович написал из тюрьмы письмо Зюганову. Если тот действительно сделает красивый жест и снимет кандидата в нашу пользу, то шансы будут очень даже приличные, поверьте.

– Думаете, правда снимут? – спросил Глеб, окрылённый надеждой.

– Посмотрим. Но для нас обратной дороги нет – Лимонов уже зарегистрирован. К сожалению, в политике только так: сперва регистрируешь своего кандидата и только после этого

пытаешься договориться с конкурентами. Но это, ребята, моя головная боль. У вас сейчас другая задача: методично и упорно трудиться на избирательной кампании. Арест вождя в прошлом году был серьёзным ударом, но мы его выдержали, выстояли. Теперь нам необходимо научиться решать серьёзные политические задачи в его отсутствие, самим. Выборы в Государственную Думу – задача более чем серьёзная. Настоящее испытание – как для всей организации, так и для каждого из нас.

И, медленно выпустив из ноздрей две густые дымные струйки, Евгений Сергеевич спросил:

– Ты насколько приехал? Недели две сможешь в Дзержинске отработать?

– Смогу, – заверил тот. – Надо будет, смогу и больше. А потом, думаю, ещё кто-нибудь из нашего отделения подтянется.

– Это было бы просто замечательно. Я так чувствую, что на этих выборах каждый человек будет на вес золота. Клич по регионам кликнули, и люди уже едут. Но есть такой момент: сейчас начало февраля, а выборы пройдут только 31 марта, то есть, через полтора месяца. Поэтому вытянуть всю кампанию тем составом, который набирается сейчас – просто нереально. Потребуется ещё минимум две смены.

Глеб допил чай и отставил чашку в сторону.

– Я понимаю. Ехать-то мне когда? – коротко спросил он.

– Лучше сегодня в ночь. Сейчас я как раз собираюсь из типографии партию листовок забирать. Поэтому будет здорово, если ты их с собой увезёшь. На пересылку тратиться неохота, и так каждая копейка на счету. Тут ещё Серёга с Ирокезом в Дзержинск на поезде собираются, – Евгений Сергеевич перевёл взгляд на двоих ребят, молчаливо примостившихся у дальнего угла стола. – Так что скооперируйтесь, возьмите вместе билеты. Втроём-то, думаю, не надорвётесь. А на месте вас встретят.

Сказав это, Евгений Сергеевич аккуратно потушил окурок в консервной банке, выполнявшей здесь роль пепельницы, решительно встал, проследовал к раковине, зажатой в тесном закутке между кухней и туалетом, и тщательно вымыл свою чашку. Глеб, давно приметивший приколотый над плиткой плакат с надписью «Не помыл за собой посуду – не жрёшь», понимающе улыбнулся.

Вскоре Евгений Сергеевич появился вновь, но уже одетый, в сером пальто и тёплой вязаной шапке.

– Дима, – произнёс он. – Я часа через два вернусь, ты, пожалуйста, будь в это время на месте. Нам с тобой днём предстоит кое-куда стонять.

Бубнов, напившись чаю, сидел за столом неподвижно, со странным, совершенно отрешённым выражением лица – то ли глубоко задумался, то ли задремал, не смыкая глаз. Казалось, он даже не услышал обращённых к нему слов.

– Дима, – тронул его за плечо Евгений Сергеевич, – Дима...

– А? – едва почувствовав прикосновение, встрепенулся он.

– Вернусь я через два часа, говорю. Не уходи никуда, пожалуйста, – мягко повторил Евгений Сергеевич, давно знавший за ним подобную странность. – Или, если уйдёшь, вернись к этому времени.

Бубнов провёл ладонью по лбу, точно отмахиваясь от привязчивого дурного сна.

– Да-да, я понял тебя, понял.

Он встал, вышел из-за стола и, не произнеся больше ни слова, скрылся в коридоре.

– Ну чего, давай на вокзал, что ли? – дёрнул Глеба за рукав Ирокез – рослый крепыш, вдоль выбритой с боков головы которого, от лба до затылка, тянулась узкая полоса коротких, торчащих ёжиком волос. – Мы вот как раз собираемся.

Глеб был лёгок на подъём.

– Пошли, – застёгивая куртку, только и сказал он в ответ.

Они вышли на улицу втроём: Глеб, Ирокез и Серёга – тшедушный на вид парнишка с мрачноватым, неприветливым взглядом глубоко посаженных карих глаз. Серёгу до этого дня Глеб не знал вовсе, а про Ирокеза был немало наслышан от одного партийца, ездившего прошлой осенью в Москву.

– С самого начала шествия затесался в нашу колонну один здоровенный панк и давай орать громче всех, – поведал он тогда Глебу свои впечатления. – Сам бритый, только ирокез красный над головой торчит, да лоскуты драной тельняшки булавками сколоты. «Откуда? – спрашиваем. – Из какой организации?» А он угорает в ответ: «Из Русской Коммунистической Национал-Анархистской партии Советского Союза. Слышал про такую?» Ну, теперь уже мы угораем: вот так партия! Да где ж такая есть? «Я сам себе партия, – отвечает. – Захотел – и создал». Я поначалу подумал – чокнутый какой-то, а потом разговорились, так ничего оказался парень, вполне адекватный. Сказал, что из Ростовской области, из города Шахты. И «Лимонку» читал, и Лимонова, и вообще в политике шарит прилично.

Именно после того шествия Ирокез, считавший себя ранее анархистом, и прибил к партии, перебравшись вскоре жить в «бункер».

Парнем он оказался бойким и говорливым, охотно рассказывал по дороге на вокзал обо всех последних новостях: об отвязных акциях и милицейских разгонах, о подготовке к выборам и вызовах в прокуратуру на допрос, о продаже газеты и перепалках с зеваками во время пикетов.

Многое из этого Глеб уже знал, поскольку партийная молва зачастую работала быстрее всякого телеграфа, мгновенно разнося вести из столицы по региональным отделениям или «регионалкам», как их называли москвичи. Часто в пути они сильно искажались и перевирались, доходя до провинции уже обросшими совершенно невероятными, фантастическими выдумками.

Так, например, от старших товарищей Глеб много был наслышан о том, как лет пять назад по всей партии упорно гулял слух, будто на квартире у неистового, харизматичного петербургского «гауляйтера», чья фотография тогда не раз горделиво украшала страницы «Лимонки», стоит настоящая дыба, вся в запёкшейся человеческой крови, на которой регулярно подвергаются истязаниям предатели и враги. Ещё поговаривали (это уже было на памяти Глеба), что боевитая ячейка в Чебоксарах буквально со свету сживала начальника местного отделения «Роспечати», которому в отместку за отказ распространять «Лимонку» через сеть косков несколько раз заклеивали её номерами дверь в квартиру. А ещё...

Короче, уж что-что, а красиво присочинить партийцы умели всегда. И, странное дело, подобные легенды влекли в партию людей не меньше, чем скандальные телесюжеты об акциях или их газета «прямого действия», вызывая горячее желание поскорее прибиться к славной «банде штурмовиков».

Однако более всех подобных историй Глеб запомнил один случай, произошедший на их воскресном пикете (на «посту»), где партийцы продавали «Лимонку» и отвечали на вопросы проявивших к ним интерес прохожих, спрашивавших кто о чем: одни о партийной программе, другие о книгах Лимонова, третьи о том, когда же, наконец, скинут в Москве правительство.

Это было как раз после одной очень удачной акции в столице, сюжет о которой показали во всех новостях. Парень-партиец, придя на открытую лекцию одного очень известного политика-реформатора 90-х, слывшего в среде либеральной интеллигенции светочем экономической мысли, настоящим гуру, вдруг, в самый разгар его речи, вскочил с места и запустил сырое куриное яйцо в физиономию выступающего.

«Получи за приватизацию, гнида!» – гневный возглас партийца обжёг враз онемевших собравшихся, точно удар кнута.

Политик этот был особенно ненавистен народу. Причём, давно.

«Шоковая терапия», «рынок», «альтернативы нет» – эти манящие, но мало кому понятные поначалу слова слетали с его толстых, слащаво причмокивающих губ безостановочно, словно заклинания, творимые шаманом. Их поток не иссяк и тогда, когда для множества людей они сделались страшны и вызывали уже не благожелательное любопытство, а острую ненависть. Он ничуть не сменил фразеологии даже спустя десятилетие с момента начала реформ, хотя многие его прежние сподвижники теперь предпочитали вещать не о благой силе конкуренции, а о «социальной ответственности бизнеса». Иногда и впрямь казалось, что этому деятелю доставляет удовольствие созерцать муки истерзанной страны, что он прямо-таки упивается от восторга, сладострастно вслушиваясь в рёв боли.

Но вот, стоя за кафедрой актового зала в одном из престижных столичных вузов, он уже не самоуверен и не спесив, как секунду назад, а наоборот – выглядит растерянным, сникшим, и его враз побледневшие, жалко подрагивающие губы уже не могут издать ничего, кроме бессвязных, нелепых звуков. Яйцо, попав в грудь, чуть-чуть ниже увесистого, складчатого подбородка, медленно растекается желтоватым слизнем по накрахмаленной рубашке, галстуку, лацканам пиджака, а всполошившиеся телевизионщики суетливо вертят камерами во все стороны. То направят их на партийца, которому уже крутят руки мордороты из охраны, то ещё на троих невесть откуда взявшихся здесь ребят, с криками расшвыривающих листовки по залу, то на незадачливого, затравленно озирающегося лектора.

– Какие же вы молодцы, ребята, какие молодцы! – восхищённо пожимал партийцам руки седенький краснощёкий пенсионер в линиялом плаще, специально подошедший к их «посту». – Когда другие только языками мелят, вы настоящим делом занимаетесь. Таким, за какое не стыдно. Вы только подумайте: это ж какая радость у народа была – хоть и яйцом по морде, но получил-таки этот гад! Ох, получил!

Он ещё долго их благодарил, тряс поочерёдно руки, чего-то советовал, предлагал, а затем купил целую пачку «Лимонок», обещая раздать знакомым и соседям.

– Надо, надо вас, молодых, поддержать, надо, – бормотал он, неловко запихивая газеты за пазуху. – Всем про вашу партию расскажу, пускай знают. Есть ребята, есть молодцы на Руси, не перевелись ещё все.

Глеб долго смотрел ему вслед, пожалуй, впервые с момента вступления в организацию со всей отчётливостью осознавая, что если б не они, многим, наверное, было бы совсем уж отвратно и тошно жить...

* * *

Билеты они купили быстро, поскольку очередей у вокзальных касс в такое время не бывало. Их поезд отходил поздно, за полночь, и прибыть в Дзержинск они должны были завтра, к утру.

Глава II

Евгений Сергеевич ничуть не преувеличивал и, тем более, не хвастал, давая понять Глебу и остальным партийцам, что переговоры с КПРФ по поводу предстоящих выборов берёт на себя. Он действительно собирался их вести и даже предварительно прикинул, к кому именно в окружении Зюганова следует обратиться. Собственно, тут и раздумывать было особенно нечего – конечно же, к Олегу Ивановичу Вениаминову, депутату Госдумы от Нижегородской области, тому самому человеку, который несколько лет назад очень помог им во время суда над тремя активистами нижегородской ячейки, коих обвиняли в погроме, учинённом в штаб-квартире местного отделения СПС.³

Идя на встречу, Евгений Сергеевич отлично понимал, что думский депутат вопросы о снятии партийных кандидатов не решает, но через него он рассчитывал выйти на самого председателя российских коммунистов, резонно считая, что подобные просьбы следует высказывать при личной беседе. Просьбу эту он собирался подкрепить письмом от самого Лимонова, которое адвокат должен получить из СИЗО со дня на день. А пока письма ещё нет, он постарается уговорить Вениаминова посодействовать в организации встречи с Геннадием Зюгановым, без которой, ясное дело, надеяться на сход с дистанции кандидата от КПРФ не приходилось.

В сегодняшнем телефонном разговоре Вениаминов сказал Евгению Сергеевичу, что будет ждать его у себя в кабинете к четырём часам, после окончания общего депутатского заседания. От этого визита и от того, каким образом повернётся разговор, действительно зависело многое, поэтому, когда они с Бубновым подходили к высокому серому зданию на Охотном ряду, над главным входом которого сверкала позолоченная, украшенная гербовым орлом надпись «Государственная Дума», оба были на редкость сосредоточены и немногословны – ни смешков, ни привычных улыбок.

– Ещё недавно митинговали здесь, депутатов засвистывали, а теперь вот сами пороги обиваем, – вдруг язвительно заметил Бубнов – не то в шутку, не то всерьёз.

Евгений Сергеевич философски развёл руками:

– Такова политика, Дима, ничего не поделаешь. Сейчас объективно мяч на их половине поля.

В бюро пропусков им выдали уже заранее заготовленные на их имена разовые квитки, и через несколько минут, миновав пост охраны, они уже шагали по ковровым дорожкам одного из многочисленных, отделанных дорогим, приятно поскрипывающим паркетом коридоров, в конце которого располагался депутатский кабинет.

Тучный, дородный Олег Иванович Вениаминов поднялся с просторного кресла и встретил партийцев широкой добродушной улыбкой.

– А, революционеры пожаловали, пламенные борцы! – с нарочитой шутливостью произнёс он, пожимая руки. – И куда? В самые что ни на есть коридоры власти!

– Ну, а как же! Заждались они уже нас, родимых, ох, заждались, – не растерялся Евгений Сергеевич, но глаза его были на редкость серьёзны.

Он сразу заметил, что депутат Вениаминов «под мухой» и, вспомнив, что сегодня пятница и дело близится к вечеру, усмехнулся про себя.

Тот меж тем, даже не спрашивая гостей, по-хозяйски раскрыл шкаф, достал из него початую бутылку коньяка с затейливой заграничной этикеткой, плитку шоколада, надрезанный лимон на блюде и три вместительные рюмки.

³ «Союз правых сил» (СПС) – избирательный блок, организация праволиберальной ориентации, существовавшая с 1999 по 2008 г. В руководство в разное время входили такие деятели как С. Кириенко, Б. Немцов, И. Хакамада, Л. Гозман. (Прим. автора)

– Ну что, ребята, разговор, я так чувствую, у нас с вами будет обстоятельный, – крикнул он, щедро разливая коньяк.

– Спасибо, мне не надо, я не пью, – энергично запротестовал Евгений Сергеевич, видя, что Вениаминов собирается наливать и ему.

Он действительно совершенно не пил уже много лет, а удивлявшимся партийцам сообщал тоном решительным и непреклонным: «Я – всё, своё отпил ещё в молодости».

Вениаминов тоже недоумённо поднял брови и, собрав раскрасневшуюся, лоснящуюся кожу лба в толстые складки, пожал плечами:

– Не хочешь? Смотри... А-то ведь натуральный коньяк, из Франции.

Как-то так повелось, что ещё со времён суда над партийцами в Нижнем Новгороде, на который приезжал и Евгений Сергеевич, он стал называть его на «ты».

– Ну, ваше здоровье, товарищи-революционеры. Рот фронт! – провозгласил депутат ироничный тост и опрокинул стопку.

Бубнов отказываться не стал и, глотнув, с приятным удивлением ощутил во рту душистый, без горчинки, привкус, почувствовал, как тёплая влажная мягкость ласково растекается по полости его рта, горлу, пищеводу. Таких хороших коньяков ему, кажется, не доводилось пить ни разу в жизни.

– Ну, собственно, вы отлично знаете, зачем мы к вам пришли, – без предисловий Евгений Сергеевич перешёл к делу. – Мы пришли разговаривать по поводу предстоящих в Дзержинске довыборов в Государственную Думу. Позавчера председатель нашей партии Эдуард Лимонов был официально зарегистрирован кандидатом по 119-му одномандатному Дзержинскому избирательному округу, где также будет баллотироваться и человек от КПРФ. Поэтому наша просьба проста и, вместе с тем, очень корректна: мы просим руководство вашей партии сделать жест доброй воли – снять своего кандидата в пользу Эдуарда Вениаминовича, находящегося, как известно, в Лефортовском следственном изоляторе.

На последние слова Евгений Сергеевич сделал особое ударение, однако они, как ему показалось, не произвели на Вениаминова должного впечатления. Тот выдохнул в кулак, не торопясь отломил шоколадную плитку, сунул её в рот.

– Значит, хотите, чтоб мы кандидата нашего сняли? Ну, вы, ребята, отчаянные... – произнёс депутат таким тоном, каким обыкновенно взрослый родитель выражает горькое недоумение по поводу какой-нибудь сумасбродной выходки своего подросткового отпрыска.

– Да, отчаянные, – подтвердил Евгений Сергеевич спокойно. – Ничего иного нам не остаётся. Вы же прекрасно понимаете, что в нашем положении депутатский мандат – это единственный реальный способ вызволить нашего вождя из неволи до суда. Всё – других шансов больше не будет.

Вениаминов слушал молча, закусив губу, легонько почёсывая пальцами левой руки тяжёлый, выдающийся вперёд подбородок.

– Вы что, всерьёз верите, что сможете выиграть эти выборы? – спросил он, подняв на партийцев глаза, полные такого искреннего изумления, что он даже не счёл нужным его скрывать. – Вы действительно в это верите?

Несколько мгновений он пытливо переводил взгляд с Евгения Сергеевича на Бубнова, словно стараясь понять: блефуют ли эти странные, в чём-то симпатичные, но всё-таки малопонятные ему люди, или же говорят на полном серьёзе, действительно рассчитывая провести сидящего в тюрьме Лимонова в Думу.

– Верим, – отозвался Бубнов без колебаний. – Конечно, верим.

Он произнёс это с таким решительным напором, что Вениаминов даже подрастерялся. В сущности, он приглашал партийцев на разговор не для того, чтобы в самом деле обсуждать с ними возможность снятия их кандидата в пользу Лимонова (такая возможность в руководстве КПРФ даже не рассматривалась!), а совсем для иного – от себя лично постараться убедить

этих не слишком, как ему казалось, искушённых в политике людей отказаться от заведомо безнадёжной затеи: бороться за место в Госдуме на дзержинских выборах. Он был абсолютно, стопроцентно убеждён – никакого успеха им не видать, только потратят зря уйму денег, времени и сил.

Вениаминов хорошо помнил то давнее уголовное дело, в которое на правах общественного защитника включился совершенно искренне и по собственной воле, дабы помочь нескольким молодым ребятам избежать тюрьмы. Они показались тогда ему такими порывистыми, горячими, но, в то же время, ещё такими наивными, несмышлёными. Причём, все: и те, которых судили, и те, которые приезжали поддержать подсудимых из Москвы. Казалось бы, за прошедшие годы, после стольких-то разочарований, драм и даже трагедий, партийцы должны были сделаться прагматичнее, хитрее. Ан, нет. И сейчас он с удивлением видел перед собой всё то же, так поразившее его в своё время, мечтательное, дерзновенное выражение лиц, всё ту же непреклонную веру в собственную правоту.

– Верите, значит...хм, – повторил он и снова протянул руку к бутылке с коньяком.

– Если бы не верили – вообще бы в эти выборы не ввязывались, – заявил Евгений Сергеевич. – Поэтому и просим вас оказать содействие в организации встречи с Геннадием Андреевичем. Вы же знаете, они с Лимоновым знакомы ещё с начала 90-х: печатались в одних газетах, выступали на одних митингах...

– Да знаю, знаю. Можешь мне не рассказывать, – с ноткой нетерпения перебил Вениаминов, намекая, что говорить хочет совсем о другом. – Ребята, никто против вас в нашей партии ничего не имеет. Правда, поверьте. Но вы же сами должны понимать: выборы в Государственную Думу – это вам не яйцами кидать, это дело очень ответственное. Вы хотя бы приблизительно представляете, какие для этого требуются деньги, какие ресурсы? У вас же всего этого нет и близко!

Произнося это, он невольно морщился, полагая, что вынужденно разжёвывает им, неискушённым, прописные, азбучные истины, известные любому профессиональному политику, и данное обстоятельство его заметно раздражало.

– Зато у нас люди есть, – запальчиво возразил Бубнов. – Причём, такие, каких ни за какие деньги не найдёшь. Мы в курсе, что нас ожидает в Дзержинске. Знаем, что по этому округу кроме вашего человека ещё либералка-СПСница выставляется, потом какой-то профсоюзный бонза... Но это не важно. Если Лимонов с ними один на один останется, без соперника-коммуниста, то мы их всех сделаем, вот увидите.

Вениаминов, снисходительно улыбаясь, подлил коньяка: сначала Бубнову, затем себе.

– Да кто ж спорит с тем, что люди у вас замечательные? – не покривил он душой. – Сам знаю, помню ваших ребят, что штаб СПС у нас в Горьком в пух и прах разнесли, – он подчеркнуто употребил именно это название – Горький вместо Нижнего Новгорода. – Молодцы, парни! Так их, либеральных мразей!

Он чокнулся с Бубновым, выпил вторую рюмку, удовлетворённо крякнул и отправил в рот сочный лимонный ломтик.

– Одна у вас беда, ребята. Плохо вы, на самом деле, представляете, что такое в России политика. Вы думаете, от того, что вы чиновникам пиджаки пачкаете, на крыши министерств забираетесь и флагами везде машете, что-нибудь изменится? Да чёрта с два! Так серьёзные дела не делаются, криком ничего не добьёшься. Кричали вон все девяностые на площадях, глотки насквозь проорали – только толку ноль. Политика в нашей стране – это совсем не митинги, не махание флагами. В политике у нас тот силён, у кого связи повсюду есть, люди надёжные там и сям расставлены, у кого деньги солидные водятся. А у кого всё это сейчас? Разве у митинговых крикунов?

Евгений Сергеевич досадливо заелозил пальцами в бороде. Он уже понял, к чему клонит Вениаминов, но деликатно продолжал слушать, давая тому высказаться до конца.

– Вот у нас, в КПРФ, курс чёткий. Мы депутатов своих повсюду проводим – во всех регионах, на всех уровнях. Где можем, там и губернаторов проталкиваем. В Думе наша фракция вторая по численности. Вот это и есть сила. А где сила, там будет и власть. Мы уже сейчас на неё серьёзно влиять можем. Вот хотя бы тот же самый разгром СПСовского штаба взять. Думаете, почему ребят ваших не посадили, почему все они условными сроками на суде отделались? Просто так, думаете? Нет, потому что мы, коммунисты, подключились. А мы – не абы кто. Треть областного собрания – наши депутаты. Вот и выходит, что хочешь – не хочешь, а придется с нами считаться. Да и судьи-то ведь тоже обычные советские люди. Прекрасно они знают, что собой эта СПС представляет.

– Олег Иванович, мы всё это помним, и, уверяю вас, не забудем о вашей помощи никогда. Но сейчас ситуация складывается так, что только избрание в Думу может реально освободить Лимонова из тюрьмы, – мягко, но с упорством продолжал настаивать Евгений Сергеевич. – Мне бы хотелось переговорить на эту тему с Зюгановым лично. В конце концов, если КПРФ действительно снимет кандидата в пользу Лимонова, то в репутационном плане от этого только выиграет – к силе приложится справедливость. Коммунистическая партия проявит подлинное благородство и действительно протянет товарищескую руку радикальной оппозиции. Ведь чего нам с вами, в самом деле, делить – мы же патриоты!

– Ну, в самом деле, что вам это депутатское место? Одним больше, одним меньше... – развил его мысль Бубнов. – Всё равно, если Лимонов пройдет в Думу, то будет вашим союзником. Не с «медведями» же ему блокироваться.

Вениаминов не торопясь налил по третьей.

– Эх, ребята, ребята, – по-отечески проговорил он, точно жуя их за незрелые мысли. – Все-то вы такие романтики, такие идеалисты...

На сей раз пить ему пришлось одному, так как Бубнов к рюмке не прикоснулся и, кажется, даже не заметил, что в неё налито. Он продолжал сидеть неподвижно и сверлил депутата взглядом своих округлых, слегка навывкате, глаз.

– Дохлое это дело, говорю вам, – назидательно повторил Вениаминов. – Можете, конечно, и на Геннадия Андреевича выйти, и с ним побеседовать, но только я вам сразу скажу: не будем мы никого снимать. Этот Басов в качестве депутата нам самим позарез нужен. Он мужик толковый, дельный. С возможностями... финансовыми, – и, сказав это, он выразительно поглядел на Евгения Сергеевича. – Сами же знаете, в политике сейчас без этого никуда.

– Кто ж он такой, Басов этот? Миллионер что ли какой? – покачал головой тот.

– Ну, миллионер – не миллионер, а человек солидный, вы уж не сомневайтесь. Нашей горьковской организации таких как раз и не хватало. Вы сами посудите: власть нас чем давит? Правильно, чиновниками своими, административным ресурсом, да ещё олигархами разными, которые за неё горой. Вон, захотели, да и нарисовали себе на президентских выборах в девяносто шестом какие угодно проценты. А пошли бы на улицы – перестреляли бы всех не хуже, чем в девяносто третьем. Всякую сволоту нанять, чтоб народ расстреливать, у них бы денег хватило, можете не сомневаться. У них сила сейчас – вот к ним и льнут. А станет Басов депутатом, за ним следом к нам и другие нужные люди потянутся, с деньгами, со связями. И другой уже тогда расклад в области будет, совершенно другой.

– Постойте, но если вы говорите, что этот ваш Басов – человек денежный, с возможностями, то значит он – скрытый буржуй, а коммунистом так, только прикидывается, – опять встрял Бубнов. – То есть вы выдвигаете в депутаты какого-то буржуя. Но где же ваша... – он хотел сказать «совесть», но осёкся и после недолгой паузы закончил иначе. – Но как это согласуется с коммунистическими принципами?

Лицо Вениаминова поскучнело. Бутылка коньяка была выпита почти до дна, и он всё чаще начинал поглядывать на свои большие наручные, с причудливым циферблатом, часы, явно показывая, что разговор себя исчерпал.

– Вы, небось, не хуже меня знаете, сколько денег требует партийная деятельность, – вяло и даже как-то механически произнёс он в ответ. – На одни членские взносы не проживёшь. Нам нужны люди обеспеченные, крепко стоящие на ногах. Без них никак.

Евгению Сергеевичу сделалось ясно, что на этом, собственно, можно и закруглиться: встать, поблагодарить важного собеседника за откровенность и вежливо уйти. Но мысль о брошенном в тюремную камеру вожде, которого он по-настоящему уважал и любил, не позволила этого сделать вот так сразу.

– У меня есть письмо от Лимонова к Геннадию Андреевичу, – попытался он зайти с другого края. – Мне бы хотелось передать его лично в руки адресату. Если есть у вас возможность этому поспособствовать, то я был бы вам крайне признателен. К Зюганову я могу подъехать в любой момент, когда ему будет удобно.

– Письмо? – переспросил Вениаминов и, недолго подумав, неожиданно согласился. – Ладно, валяйте. От меня не убудет. Только ещё раз предупреждаю – эта встреча лишена практического смысла. Никто Басова с выборов снимать не станет, не надейтесь.

Когда Евгений Сергеевич с Бубновым вышли обратно на улицу, там уже совсем смеркло. Они направились молча в сторону метро, но возле какого-то дома вдруг, не сговариваясь, остановились. Евгений Сергеевич вытащил пачку сигарет, закурил, выпустил обильно клубящийся на холоде дым. Ему пришлось поплотнее натянуть шапку, так как после тёплого уюта депутатского кабинета мороз казался особенно крепким.

– Сергеич, но ведь если они оставят своего Басова, то всё бессмысленно, – нарушил молчание Бубнов. – Там, в провинции, люди проголосуют за него просто потому, что он от КПРФ. Сто пудов так и будет!

– Не бессмысленно, Дима, – тихо ответил тот, выдержав паузу. – Знаешь ли, иногда случаются чудеса. И может быть, сейчас как раз тот самый случай.

Бубнов посмотрел на него непонимающе, даже ошарашено. Мол, что ты несёшь, Сергеич? Какие ещё, к чёрту, чудеса!

Но тот невозмутимо продолжил:

– Да, Дима, иногда события принимают неожиданный поворот. Просто надо понимать, что каждое чудо предваряется сначала чьим-то жгучим желанием, а затем неумолимой, самоотверженной деятельностью. Я сейчас не могу тебе этого доказать, просто я это чувствую, и ты, пожалуйста, поверь мне на слово: всё, что нам предстоит в Дзержинске, мхом не зарастёт и не канет в Лету.

Глава III

Была ещё ночь, когда Глеб, Ирокез и Серёга вылезли из вагона в Дзержинске. Нешуточный мороз немилосердно драл их опухшие лица, когда они, нелепо топчась посреди пустынного, заснеженного перрона, вертели головами во все стороны, высматривая встречающих.

Вчера, сев в поезд уже изрядно захмелевшими, они легкомысленно продолжали пить почти всю дорогу, пугая сонных, вялых пассажиров плацкарта своими резкими голосами и громким грубым смехом. И угомонились только пару часов назад, повалившись, не раздеваясь, на голые, без постельного белья, койки. Перед самым прибытием их насилу растолкала проводница.

– Вставайте, стоянка всего две минуты, – трясла она парней за плечи и прибавляла затем с недовольным бурчанием. – Чего бухать было так, что подняться наутро не в силах?

Когда они, наконец, пробудились и, похватав рюкзаки, заспешили к выходу, поезд уже трогался, и парням пришлось спрыгивать на перрон из уже заскрипевшего колёсами вагона.

– Евгений Сергеевич говорил, что нас встретят, – пробормотал Глеб, ёжась от холода и тряся туго соображающей, чугунной головой.

– Да, Миша должен подойти, Мишка Молотков, – подтвердил Ирокез, притопывая ногами. – Может, проспал?

После протопленного вагона скорого поезда предрассветный мороз казался им особенно лютым.

– Тоже набухался, небось. Работы-то здесь пока ещё нет, мы только первые листовки подогнали, – предположил Серёга, легонько пнув ногой здоровенный тюк, который они едва успели выволочь на платформу.

– Надеюсь, «вписка» не очень далеко. А-то мы охренеем тащить это через весь город, – выразил Глеб вслух их общее желание.

Простояв ещё немного и совсем околоченев, они были уже готовы, плюнув на всё, отправиться в зал ожидания, чтобы подремать там хотя бы до рассвета, как вдруг возле них, вынырнув из какого-то закоулка, появилась долговязая сухопарая фигура.

– Мишка! Миха! – громко позвал обрадованный Ирокез.

Человек быстрыми шагами подошёл к ним.

– Здорово, – приветствовал он с бодростью и затем, словно извиняясь, пояснил. – Пока тут найдёшь этот вокзал... Сам здесь всего два дня, путаюсь ещё в городе.

– Ничего, освоимся, – заметно повеселел Глеб.

– А, привезли, – заметив тюк, сказал Михаил с удовлетворением. – А-то мне из Москвы звонили вчера, говорили, что листовки с вами приедут.

– Вот и приехали. В «бункере» решили с нами отправить, чтобы на пересылку не тратиться.

– Правильно решили. После того, как залог внесли, вообще почти без копейки остались, – Михаил решительно взялся тюк обеими руками и попробовал приподнять, однако это удалось ему с заметной натугой.

– Тяжёлый, – присвистнул он, опуская его обратно на заледенелую твердь перрона.

– Там их несколько тысяч.

– Это хорошо. Значит, на всех хватит. А-то люди уже едут, а дела им настоящего всё нет. Вот и начинают разной ерундой страдать. Позавчера вон партиец один из Вологды сцепился на улице с гопотой. В итоге в ментовку попал – вроде как, он одному гопарю табло нехило разбил. Менты грозили дело завести.

– И чего? Закрыли его?

– Да нет, обошлось. Покошмарили, да отпустили. Гопарь побитый заяву писать не стал – типа, не по понятиям.

Глеб и Михаил взяли тюк с двух сторон, ухватившись за матерчатые, прикрепленные несколькими слоями скотча ручки. Нести его оказалось страшно неудобно, так как он был не только тяжёл, но и объёмист, и постоянно норовил задеть их за ноги.

– Идти-то далеко? – поинтересовался Серёга.

– Несколько кварталов, – пытаюсь перехватить ручку удобнее, отозвался Михаил натужным голосом и посетовал. – Блин, в такую рань даже автобусы не ходят.

Путь занял минут двадцать пять. Тюк тащили по очереди, меняясь через каждый квартал и уставая при этом не столько от его тяжести, сколько от неудобства.

– Ничего, мы это дня за три расклеим, – бодрился Глеб, меняя затёкшую руку. – На каждом заборе тут листовки наши будут висеть, на каждой остановке.

Когда они, наконец, добрались до нужного дома и свернули в небольшой, засыпанный глубоким снегом двор, Глеб остановился перевести дух, и, распрямляя ноющую спину, почувствовал, что весь взмок.

– Пришли что ли? – спросил он.

– Ага. Нам вон туда, – отозвался Михаил, указывая на дальний подъезд.

Начало светать, и очертания панельного пятиэтажного дома уже проступали в занявшихся тусклых сумерках.

– Ну, прям как у нас на районе, – ухмыльнулся Серёга, когда они входили в подъезд. – Те же дворы, те же дома.

– Ну а чего ты хочешь? Это ж «хрущёвка», такие раньше по всей стране строили.

В подъезде сразу пахло сыростью, затхлой подвальной водой. Лестница оказалась узкая и очень тёмная. Лампочки на лестничных клетках то ли не работали, то ли были давно повывиты окрестной шпаной. Партийцам пришлось подниматься наверх гуськом, крепко держась при этом руками за неровные, в выщерблинах, перила.

– Всё, пришли, – сказал Михаил, остановившись на третьем этаже и на ощупь вставляя ключ в замочную скважину квартирной двери. – Все ещё спят, наверное.

В крошечной прихожей тоже было темно, и вошедшим пришлось долго возиться у входа, снимая ботинки и наступая друг другу на ноги.

– Нет здесь света, патрон испорчен, – досадуя, проворчал Михаил.

Разувшись, Ирокез с Серёгой втащили тюк в комнату, аккуратно перенося его через тела людей, которые действительно ещё спали, упаковавшись в спальники и подложив под голову куртки или дорожные рюкзаки. Мебели в комнате, за исключением небольшого стола и пары стульев, не было.

Вошедший вместе с ними Глеб пробрался к окну, откинул занавеску и выглянул наружу, в хмурую серость занимавшегося утра. Двор забелел уже достаточно отчётливо, и он заметил посреди него несколько занесённых чуть ли не до крыши машин, огромные, под два метра сугробы, наваленные невдалеке от подъездов, и протоптанные мимо них дорожки.

– По ходу, тот ещё райончик, – услышал он за спиной голос Серёги. – Пенсы, небось, одни только и остались, да ещё алкашня всякая.

– С чего ты взял?

– Да у нас в Северодвинске такой же точно есть, у меня там бабка живёт. В нём раньше от завода квартиры давали. Так там теперь одни только старики, молодёжь вся: кто в Питере, кто Москве, кто где – работу в нашем городе сейчас нормальную не найдёшь.

– Ну и ладно. Они-то как раз на выборы и ходят.

– Ага, чтобы за Путина проголосовать, – усмехнулся Серёга с горечью.

– Ну, ты уж не обобщай. Моя бабушка вон всегда за коммунистов голосовала.

– Ой, да знаю я народ наш, подписи уж сто раз собирал. Им сколько не объясняй – всё без толку, только телевизору и верят. Главное, сами живут, как чёрт знает кто, пенсий им едва на еду хватает, а всё туда же – прутся за своего царя-батюшку бюллетень в урну кинуть. Зато на нас гавкать быстро научились: мол, делом бы шли заниматься, нечего тут по квартирам ходить.

И Серёга, точно воспроизведя эти столь хорошо знакомые любому партийцу интонации, брезгливо скривил губы.

В этот момент в углу комнаты послышалась сонная возня, и чья-то высунувшаяся из-под одеял взлохмаченная голова проворчала:

– А можно потише, а? На кухне про пенсов своих триндите.

Разговор Серёги с Глебом вынужденно оборвался, и оба они, примолкнув, вышли из комнаты, чтобы не будить товарищей.

За крепко заваренным, приторным от сахара чаем, который заедали толстыми ломтями чёрного хлеба, обсуждался план действий на ближайшие дни.

– Послезавтра Дима Елагин из Нижнего подтянется, а пока я здесь за старшего, – сообщил Михаил. – В Москве решили так: здесь, в предвыборном штабе он рулить будет – местный ведь, знает все расклады. А на федеральном уровне, то есть, всякие там связи с союзниками, с прессой – это уже Евгений Сергеевич на себя берёт.

– Он нам в Москве говорил вчера, что и сам сюда на днях подъедет, – сообщил Глеб.

– Знаю. С Зюгой вопрос утрясать остался.

– Эх, вот бы действительно КПРФники своего кандидата сняли... – протянул Ирокез мечтательно.

Михаил в ответ на это только ухмыльнулся и перевёл разговор в другое русло:

– Короче, сейчас чай допиваем – и за дело. Начнём с расклейки. Сначала здесь, в городе поработаем, а через несколько дней, когда ещё люди подтянутся, поедем и по всему округу. В нём ведь не только сам Дзержинск, но и Павлово, и Константиново, и Ардаатов, и ещё куча посёлков и деревень всяких есть.

– Что, и по деревням тоже будем ходить? – спросил Серёга, словно не веря в такую перспективу.

– Ну а ты как думал? Конечно, будем. Там ведь народ простой, газет не читает, телеком не сильно испорчен. Надо всем говорить, что Лимонов – свой, земляк, в здешних краях родился. Глядишь, и проголосуют.

– Ну и как наши шансы? Так, если честно? – и Серёга подмигнул Михаилу с лукавством. Тот ответил уклончиво:

– Шансы? Надо больше пахать – тогда и будут шансы.

Затем допил залпом чай, отодвинул от себя чашку и спросил:

– А чего там, на листовках-то этих, которые привезли? Смотрели сами, нет?

– Нет, не смотрели, некогда было, – ответил Глеб. – Их нам уже на вокзал привезли, упакованными.

– Да нормальные листовки. Наши плохих не сделают, – заверил Ирокез. – Мы ж не КПРФники какие-нибудь, не либералы. Это у них не листовки, а унылое г. . .

Квартира потихоньку оживала. Партийцы один за другим пробуждались, скатывали спальные, шли по очереди умываться в тесную, совмещённую с туалетом ванную комнату, и в кухне через тонкую стену отчётливо были слышны доносившиеся оттуда сопение, фырканье, плеск воды.

Михаил достал карту города и разложил её на столе, аккуратно отмечая карандашом районы, с которых следовало начинать расклейку в первую очередь.

– Центр весь заклеить надо, а окраины – потом, – говорил он. – Здесь магазины, рынок, универмаг, короче, всегда народ толчется. Вот его и нужно окучивать.

– А может лучше как раз с окраин начать? – предположил Глеб. – Там же заводы, значит, и людей хватает.

– Да плевать этим работягам на выборы! У них только водка на уме, – фыркнул Ирокез.

– Ну ты за всех-то не говори. У меня вон отец работяга, токарь, а водки ни грамма пьёт, книги по вечерам читает. Меня даже с детства на чтение подсадил, – с обидой встрял в разговор какой-то свежеумытый парень, только что вышедший из ванной.

Но Ирокез лишь рукой махнул:

– Таких мало. А остальным, что книги, что политика – всё до лампочки. Раньше мы у себя тоже к шахтам ходили, «Лимонку» предлагали, листовки – короче, сагитировать кого-то пытались. И чего ты думаешь? За всё время лишь несколько человек газетой заинтересовались, один из них потом несколько раз даже на собрание приходил. А так всё больше разные пьяные гопники и быдланы докапывались.

– Ха! А тут как раз про рабочих и написано, – засмеялся Глеб, взмахнув вытащенной из вскрытой пачки листовкой. – И про то, что Лимонов сам сталевар.

Листовка была чёрно-белой, отпечатанной на плотной бумаге. В самом её центра располагалась фотография председателя партии – старая, широко известная, опубликованная, наверное, не в одном десятке газет. На ней он, одетый в зимнее пальто и с кепкой на голове, что-то яростно кричит, стиснутый в гуще толпы демонстрантов. Хотя те на рабочих были совсем не похожи, подпись к фотографии, выполненная жирными буквами, оставлявшими следы типографской краски на пальцах, была однозначна: «Рабочие голосуют за сталевара Лимонова!»

Партийцы передавали листовку друг другу, рассматривали, отпускали шутки.

– Это старая фотография. Десять лет назад сделана, на каком-то митинге оппозиции начала девяностых, – сразу узнал её Михаил.

– Тогда ещё и партии-то нашей не было.

– Зато вождь уже был, – засмеялся Серёга, ткнув пальцем в фотографию. – Вот он, зовёт народ на штурм Кремля!

Партийцы разделились на пары, для каждой из которых был определён свой маршрут. Михаил, успевший вчера на почте наделать два десятка ксерокопий с карты города, раздавал их теперь уходящим на первую расклейку ребятам.

– Вы сначала эти две улицы обработайте, – обводя их на бумаге карандашным овалом, наставлял он Глеба и Серёгу, как-то само собой решивших идти вместе. – На каждой остановке клейте, в каждом подъезде, на любом фонарном столбе – чтоб наш вождь отовсюду на людей смотрел. А если время останется, то и вот здесь пройдите, – и он указал ещё на одну улицу, ведущую из центра к заводским окраинам. – По ней тоже прилично народу ходит, сам видел.

Партийцы, вертя в руках серые, в разводах краски листы ксерокопий, разглядывали обозначенные маршруты, вчитывались в названия незнакомых пока улиц, которые им предстояло исходить вдоль и поперёк.

– Ничего, за неделю всё тут наизусть выучим. Запомнят нас местные. Ох, запомнят, – заверил пока ещё совсем не знакомый Глебу невысокий щупленький паренёк с длинной, опускающейся на самые глаза чёлкой.

Глава IV

Евгений Сергеевич вышел из метро на станции «Цветной бульвар» и, быстро пройдя мимо присыпанного свежим снежком памятника Юрию Никулину, на который так любят глядеть гуляющие по Москве провинциалы, перешёл улицу прямо напротив цирка. Пройдя квартал, он свернул в примыкающий к бульвару, но малоприметный с виду Малый Сухаревский переулок и направился по нему прямо – к двухэтажному зданию в глубине, старинному, кирпичному, очевидно сохранившемуся ещё с царских времён.

– Ишь ты. В революцию они его реквизировали что ли? – не удержался он, иронично вскинув брови.

Подошёл к самому подъезду, остановился. Украдкой глянул на припаркованные рядом, выстроившиеся в ряд машины. Их литые, добротные корпуса отсвечивали ровным холодным блеском.

Евгений Сергеевич погладил бороду, окинул взглядом металлическую табличку возле входной двери.

«Коммунистическая Партия Российской Федерации» – гласила надпись. И герб партии тут же выгравирован: серп и молот на фоне раскрытой книги.

«Близки наши символы – разны наши судьбы», – мелькнула в его голове внезапная мысль. Накануне Вениаминов по телефону сухо, но внятно сообщил:

– Приходи завтра к часу дня. Геннадий Андреевич постарается уделить время.

«Постарается уделить время»...

Да, ради этого визита стоило отложить выезд в Дзержинск. Ведь если Зюганов всё же пойдёт навстречу и снимет своего кандидата, то у партийцев появятся ощутимые шансы на успех в кампании.

Евгений Сергеевич продумал предстоящий разговор до мельчайших деталей и, направляясь сюда, знал точно, что скажет этому широколицему, басистоголосому человеку с крупной бородавкой на переносице. Тот, наверное, примет его у себя в кабинете, важно восседая за массивным, уставленным телефонами столом, и за его плечом, в углу, будет возвышаться на постаменте гипсовый бюст Ленина.

Кратко, но так, что эта краткость лишь оттенит выразительность произнесённых слов, Евгений Сергеевич расскажет ему о последних годах в жизни партии – тяжёлых, полных тревоги, но и боевых, и самоотверженных, и яростных вместе с тем.

Вспомнит про Севастополь, где он сам, командуя группой партийцев, забаррикадировался в здании клуба моряков в день очередного праздника независимости Украины. «Севастополь – русский город!», «Кучма, подавишься Севастополем!» – рвался из пятнадцати глоток их воинственный, злой рык, а сверху, с самой верхотуры возвышавшейся над набережной башни летели и летели листовки. Кто тогда, кроме них, реально вступился за город русской славы, постыдно отданный во власть самостийников?

Потом напомним об акции партийцев в Риге, где полтора года назад они захватили колокольню собора Святого Петра, требуя от латышских властей прекратить травлю ветеранов Великой Отечественной войны. Многие в России слали проклятия прибалтийским реваншистам, однако только лишь трое его товарищей – обычных с виду русских парней из Самары и Смоленска – отправились в Латвию возвысить голос в защиту соотечественников. Их арестовали, обвинили в терроризме, приговорили к долгим годам неволи: двоих к пятнадцати, третьего к пяти.

Он упомянет о всех партийцах, брошенных в российские, латвийские, украинские тюрьмы...

А затем, пристально глядя ему в глаза, скажет: «Геннадий Андреевич, мы ставим вас в известность, что решили выдвинуть председателя нашей партии Эдуарда Лимонова кандидатом на довыборах в Думу по Дзержинскому округу. Вы знаете, что он сейчас находится в тюрьме за то, что пошёл наперекор изменнической политике Кремля и открыто встал на защиту русских людей в Казахстане. Предъявленные ему обвинения грозят многими годами зон и лагерей. Избрание же в Государственную Думу позволит обрести депутатскую неприкосновенность и выйти на свободу. Геннадий Андреевич, мы понимаем, что просьба наша носит смелый, может быть, даже дерзкий характер. Но, вместе с тем, мы просим вас оказать посильную помощь организации и человеку, которые уже многие годы ведут упорную и последовательную борьбу с режимом, неся большие жертвы в этой борьбе. Я понимаю, что в тех условиях, в какие сейчас поставлена КПРФ, для вас на Охотном ряду имеет значение каждый мандат. Но мы всё-таки очень просим вас не выдвигать кандидата-коммуниста в Дзержинске, не отбирать голоса у Эдуарда Лимонова. Сделав этот благородный жест, вы окажете существенную помощь не просто конкретному человеку или даже нашей партии – вы поможете всему патриотическому движению в стране. Если нам удастся выиграть выборы, то это будет общая победа. И ваша тоже. Вы одержите моральную победу, которая в данном случае окажется намного весомее очередного депутатского мандата. И мы никогда, поверьте, Геннадий Андреевич, никогда не забудем того, кто в трудный момент протянул нам руку помощи».

В кармане пальто у Евгения Сергеевича лежало то самое, переданное адвокатом письмо. В нём заключённый СИЗО ФСБ «Лефортово» Эдуард Лимонов обращался к председателю ЦК КПРФ, лидеру фракции коммунистов в Государственной Думе Геннадию Зюганову. Письмо было краткое, на страницу, и содержало вежливую просьбу – снять представителя компартии в Дзержинском одномандатном округе в его, Лимонова, пользу. Перед тем, как отправиться сюда, Евгений Сергеевич перечитал его несколько раз, решив, что передаст письмо в конце разговора, уже после того, как произнесёт свою речь.

«Живое слово сильнее печатного», – решил он.

Но сейчас, стоя у дверей штаб-квартиры КПРФ, Евгений Сергеевич медлил, не спеша войти внутрь. В общем-то, он понимал, что на эту просьбу, скорее всего, как и предрекал Вениаминов, последует отказ: корректный, но твёрдый. Да и не наивность ли – всерьёз надеется, что зюгановцы добровольно откажутся от ещё одного депутатского места, которое, по сути, само плывёт им в руки? Дима Елагин, нижегородский «гауляйтер», с абсолютной уверенностью говорил, что шансы на победу в этом округе у коммунистов наилучшие среди всех.

Однако внутри него всё же жила надежда – упрямая и иррациональная, как и сама их партия. В этом заключалась одна его характерная черта: Евгений Сергеевич всегда и при любых обстоятельствах верил в людскую человечность. И видя её проявления среди своих товарищей, хотел убедить себя в том, что искорки такой человечности живут и в других. Что они тоже в глубине души справедливы, добры и любят Россию. И не утрачивают этих качеств, даже годами не вылезая из шикарно отделанных думских кабинетов, распивая в них дорожные импортные коньяки...

«Чёрт его знает, Зюгу этого, – размышлял он, закуривая. – Вдруг и впрямь согласится?»

Часов при нём не было, но Евгений Сергеевич чувствовал, что до назначенной встречи остаётся ещё минут десять. У него вообще было хорошо развито ощущение времени.

Он сделал несколько глубоких затяжек, кашлянул, сплюнул в стоящую возле крыльца урну. Сдвинул на затылок шапку и провёл пальцами по высокому, прорезанному ранними морщинами лбу.

Да, давно он не испытывал такого волнения. Пожалуй, с тех самых пор, как прошлой весной арестовали Лимонова, и в их московский бункер вместе с ОМОНОм для производства обыска вломилась целая рать следователей и «оперов». И тогда, и сейчас ему казалось, что

судьба организации, а также и его личная судьба, которую он давно уже не отделял от партийной, считая её общей, единой для всех, висит на волоске. Тут уж пан – или пропал.

Евгений Сергеевич верил, что партийцы смогут вытянуть выборы – на зубах, на жилах, но вытянуть. У их кандидата есть то, чего нет ни у кого из остальных – энергичные, самоотверженные люди, готовые пахать и пахать. В этом, и только в этом, заключается их сила, их надежда, их шанс. Даже у явного фаворита Басова, несмотря на все его деньги и связи, нет ничего подобного. Евгений Сергеевич даже усмехнулся, попробовав вообразить функционера КПРФ, целыми днями расклеивающего на морозе листовки или часами стоящего на пикетах в зимнюю стужу. Да кто ещё, кроме его партийцев, способен вот так, по зову сердца, съехаться в чужой город на неустроенную «вписку»,⁴ чтобы работать без продыху, питаться консервами и «дошираками», неделями спать на полу, в тесноте, кутаясь в замурзанные спальные?

Да, партийцы готовились бороться за свободу того, кому искренне верили. Кто непостижимым, на первый взгляд, образом соединил вместе их судьбы – такие разные, непохожие друг на друга...

Ни им, ни даже самому Лимонову не нужен был депутатский мандат сам по себе – они шли в политику не ради карьеры или денег. Они всегда были радикалами, бунтарями, крайними из крайних. Иные воспринимали их как законченных отщепенцев. Несколько лет назад они выходили на Охотный ряд, где шёл какой-то скучный и полудохлый митинг, неся на алом транспаранте эпатажный, режущий глаз лозунг: «Долой и правительство, и Думу!». Пенсионеры, старушки, понурые седоватые мужики, все эти завсегдатаи оппозиционных акций, отворачивались тогда от них с возмущением, негодовали, осуждали...

Евгений Сергеевич бросил окурок в урну, резким движением отворил дверь и вошёл внутрь.

В помещавшейся на первом этаже канцелярии ему пришлось довольно долго объяснять, кто он такой и зачем хочет видеть Зюганова.

– Геннадий Андреевич сейчас никого не принимает, у него важное совещание, – бесстрастно отвечали секретари.

Тогда он сослался на думского депутата Вениаминова и сообщил, что договорённость о встрече имеется, что Зюганов в курсе визита и обещал принять.

После недолго колебания его всё же пропустили на второй этаж, туда, где располагались рабочие апартаменты руководителя Коммунистической партии. Поднимаясь по мраморной лестнице, идя по сверкающему, устланному ковром коридору, Евгений Сергеевич отметил, что обстановка в штаб-квартире КПРФ, пожалуй, мало чем уступает Госдуме.

Секретарша в приёмной встретила его настороженным, малоприветливым взглядом.

– Здравствуйте, я к Геннадию Андреевичу! По поводу думских выборов, – он попытался смягчить её доброжелательной, непринуждённой улыбкой. – Мне Олег Иванович Вениаминов сказал, что меня примут сегодня.

– Геннадий Андреевич занят, у него совещание, – ответила она.

– Я готов подождать.

– Совещание важное. Оно только началось и закончится нескоро, – секретарша оценивающе оглядела его поношенное, местами протёртое пальто серого цвета, видневшиеся из-под него чёрные джинсы, густую, будто у священника, русую бороду, и взгляд её делался всё неприветливее.

– Ничего страшного, я никуда не спешу.

– Ну, ждите, – пожала она плечами, будто удивляясь в душе проявленной посетителем настойчивости.

⁴ Вписка – жаргонное обозначение съёмной квартиры, принятое в среде неформальной молодёжи. (Прим. автора)

Сесть секретарша не предложила, однако Евгений Сергеевич, понимая, что стоять посреди приёмной и далее глупо, тихонечко прошёл к окну и устроился на диване, отделанном тёмной, приятно поскрипывающей кожей. Его поверхность показалась ему особенно мягкой после отполированных бункерских лавок.

Так он просидел с полчаса, поневоле прислушиваясь к голосам, иногда доносящимся из-за двери председательского кабинета. На мгновение Евгению Сергеевичу даже показалось, будто он различает знакомый, многократно слышанный с экрана утробный глас вождя КПРФ. Он слегка улыбнулся, поневоле вспомнив, как тот, будь то телевизионная студия или первомайский митинг, басит своё неизменное: «А-а-антинарррродный режим!»

Секретарша не вставала из-за стола, копошась в бумагах и иногда коротко отвечая на телефонные звонки хорошо поставленным, размеренным голосом. Беспokoить шефа сообщением о том, что его ждёт визитёр, она явно не собиралась.

Внезапно дверь в коридор распахнулась, и в приёмную вошёл человек – полнощёкий, при галстукe, с выкатывающимся из штанов объёмистым животом. Евгений Сергеевич смутно припомнил черты его холёного лица – кажется, видел по телевидению пару раз.

– Мне Геннадию Андреевичу документы передать надо, – искоса взглянув на странного бородатого гостя, бросил тот деловито.

– Да-да, конечно. Давайте, – гостеприимно заулыбалась секретарша. – После совещания я сразу же передам. Сразу же.

Человек положил ей на стол красивую, украшенную партийным гербом папку и, ещё раз недружелюбно зыркнув на Евгения Сергеевича, вышел. Тому показалось, что и щекастый его узнал. Наверное, также видел по телевизору, ведь и после акции в Риге, и после ареста Лимонова телевизионщики приезжали в «бункер» не раз.

Минута шла за минутой. Евгений Сергеевич сидел неподвижно, иногда лишь легонько пощипывая пальцами правой руки кончик бороды, и это долгое, напряжённое ожидание начало его всё больше тяготить.

Управившись с бумагами, секретарша устроилась поудобнее и развернула газету. Время от времени в приёмную заглядывали какие-то люди, и тогда она, слегка приподнимая голову, говорила им одно и то же: «Геннадий Андреевич занят, у него важное совещание». Те, понимая кивнув, сразу же исчезали.

Прошёл почти час. За это время ей однажды позвонили из председательского кабинета, что-то настойчиво говорили в трубку, заставив спешно рыться на столе в бумагах, диктовать чьи-то фамилии, имена. После этого она несколько скорректировала свой ответ. Теперь, после сообщения о том, что шеф занят, она стала прибавлять, что по окончании совещания он собирается сразу же ехать в Думу.

Евгений Сергеевич занервничал всерьёз. В нём всё сильнее крепло убеждение, что встретиться с Зюгановым ему не суждено. Скорее всего, тот действительно вскоре укатит вместе со всей свитой, так и не соизволив его выслушать.

А он не может сидеть здесь и караулить часами.

Во-первых, потому что не позже сегодняшнего вечера ему необходимо отправить макет очередного номера газеты в типографию. Ведь он, непосредственно занимаясь редактированием «Лимонки» уже полгода, так гордился тем, что она всегда выходит строго по графику, день в день. Сейчас, в канун старта предвыборной кампании, регулярность выхода особенно важна.

А во-вторых, и Евгений Сергеевич понимал это совершенно ясно, он – исполняющий обязанности руководителя партии радикалов-революционеров, не может вот так откровенно выпрашивать милостей высокомерных КПРФовских бонз.

«При таких раскладах, – размышлял он, – мне остаётся только одно: попробовать остановить Зюгу на ходу, по дороге к машине, и передать ему письмо от Лимонова».

Он опустил голову, с силой прикусил губу.

«Но это как-то... Чёрт побери, унизительно что ли!»

Большие, искусно отделанные настенные часы над секретарским столом мерно отсчитывали время его томительного ожидания. Чтобы хоть чем-то занять себя, Евгений Сергеевич прислушивался к их тихому равномерному тиканью, даже пытался наблюдать за движением точёной секундной стрелки на циферблате. Но глаза его быстро устали, и тогда он перевёл взгляд на широкий подоконник, где раскинуло пышные листья какое-то неведомое ему тропическое растение.

Дверь, ведущая в кабинет, внезапно распахнулась, и оттуда вышел человек с партийным значком на лацкане пиджака, такой же плотный и упитанный, как и тот, что приносил документы.

– Скоро заканчивают? – осведомилась секретарша.

– Минут через сорок. Потом сразу в Думу едем, на заседание комитета.

Она понимающе кивнула.

– Просил никого к нему не впускать, – обронил он, направляясь к выходу. – И так дел по горло.

Секретарша кивнула вновь, окинув Евгения Сергеевича предельно красноречивым взглядом. Впрочем, это было излишне. Не успел стихнуть звук удаляющихся по коридору шагов, как он поднялся на ноги:

– Я, к сожалению, не могу больше ждать. Но вы передайте, пожалуйста, Геннадию Андреевичу вот это письмо.

И он положил перед ней белый прямоугольный конверт.

– Это письмо от Эдуарда Лимонова. Речь идёт о выборах в Дзержинске.

Она взяла незапечатанный конверт в руки, скользнула по нему беглым взглядом.

– Пожалуйста, лично в руки. Это важное письмо. Очень важное.

Та снова перевела взгляд на Евгения Сергеевича, глядя пристальнее, чем обычно. И даже переспросила:

– По поводу выборов?

– Да, по поводу выборов. По Дзержинскому одномандатному округу.

– Передам, – и она отложила конверт в сторону.

Вежливо поблагодарив, Евгений Сергеевич выскользнул из приёмной. Но теперь его уже мало волновало: передаст она письмо, не передаст...

«Чёрта лысого они снимут. Чёрта лысого», – без конца повторял он под нос, выходя на улицу.

Погода за это время успела изрядно испортиться, и в тихом воздухе теперь плавно оседали белесые, рассыпчатые хлопья. Пока Евгений Сергеевич шёл обратно к метро, его шапка, плечи и особенно борода основательно побелели.

Глава V

Работа в Дзержинске закипела.

Каждое утро начиналось здесь теперь почти одинаково. В начале восьмого, ещё в мутных, седых сумерках, заливался, призывно дребезжа на всю квартиру, старый будильник, и над застланным одеждой, одеялами и спальными мешками полом, недовольно ворча, приподнимались смурные лица.

– Что уже, да? Уже? – бормотал кто-то, превозмогая сон.

Первым на ноги, как правило, вскакивал Глеб, чтобы поскорее отключить этот донельзя раздражающий его тягучий и противный перезвон. После чего машинально ложился опять на заменяющую постель развороченную куртку, но глаз больше не закрывал, а только громко и долго зевал во весь рот, растирая ладонями лицо.

Затем все вместе пили на кухне горячий сладкий чай, заедая его ломтями хлеба, который макали в маслянистые рыбные консервы. С утра есть не слишком хотелось, но партийцы, особенно те, кому уже приходилось ранее участвовать в расклейках, старались насытиться, как следует, ибо знали, что обедать придётся не скоро.

Поев, они без лишних разговоров поплотнее набивали пакеты и сумки листовками, всовывали туда же банку клея с кисточкой и отправлялись на улицы, которые им отныне предстояло заклеить сплошь.

На «вписке» теперь всем распоряжался нижегородский «гау» Дима Елагин, приехавший на днях в Дзержинск. Было решено, что до появления в городе Евгения Сергеевича руководить набирающей ход избирательной кампанией будет он.

– Везде, везде наши листовки должны висеть, – напутствовал их Елагин. – Чтоб даже самый последний обыватель знал, кто такой Лимонов.

Он же взял на себя распределение отправляющихся на расклейки партийцев по парам. В населённом хмурым рабочим людом Дзержинске агитировать по двое было не только удобнее и веселее, но и безопаснее.

Лишь один партиец-москвич упорно ходил клеить листовки в одиночестве. Рослый, подтянутый, немногословный, он держался особняком от всей их разудалой вольницы и казался замкнутым, даже нелюдимым. Елагину, желающему поначалу отрядить ему помощника, ответил односложно, но тоном, совершенно не терпящим возражений:

– Нет, я один. Так суеты меньше. Не люблю суету.

Звали его Володей, и вступил он в организацию совсем недавно, всего с месяц назад. Пришёл однажды днём в «бункер», доброжелательно поздоровался с дежурным и сказал:

– Наслышан я про вас немало, «Лимонку» читаю уже полгода. Вот и хочу, наконец, сам поглядеть, что ж вы за люди такие.

Однако предложенную ему анкету-заявление о вступлении в партию с порога заполнить не стал. Вместо этого терпеливо дождался Евгения Сергеевича и предложил ему прогуляться по раскинувшейся в паре кварталов отсюда речной набережной, поскольку «на воздухе и дышится, и говорится лучше». Тот, за проведённые в партии годы повидавший великое множество самых разнообразных людей и изрядно натренировавшийся на них нюх, интуитивно понял, что человек этот пришёл в штаб не просто так. Потому согласно кивнул, поплотнее запахнул пальто и направился с ним из приёмной на улицу.

О себе Володя рассказал немного. Сам он был москвич, жил в отдалённом спальном районе в двухкомнатной квартире вместе с отцом, который, как впоследствии выяснилось, воспитывал его с детства один, без матери. Ему было уже далеко за двадцать, и в своей жизни он успел изведать немало: и в армии отслужить, и повоевать в разведроту в Чечне. Наверное, поэтому Елагин, сам прошагавший два года в кирзачах, сразу признал в нём человека надёж-

ного, умеющего за себя постоять, и возражать против его желания ходить на расклейки одному не стал.

Политикой Володя всерьёз заинтересовался недавно, когда случайно услышал в новостях, что Эдуард Лимонов арестован на Алтае. До того момента он не очень хорошо представлял, кем является Лимонов – так, слышал, что есть такой писатель и журналист, издающий какую-то газету, однако ни книг его, ни статей не читал. Потом, также случайно, он увидел по телевидению документальный фильм про то, как целый отряд «чекистского» спецназа, во всеоружии, в белых маскхалатах и с автоматами наперевес, геройски обезвреживал на таёжной пасеке «террористическую группу», возглавляемую председателем «экстремистской националистической партии», будто бы мечтавшим поднять мятеж в соседнем Казахстане. История «алтайской экспедиции» произвела на него сильное впечатление, и с тех пор он стал покупать «Лимонку» специально, спрашивая её у газетных торговцев возле станций метро.

– Тут-то я и понял, что вот они – ребята, с которыми можно заняться реальным делом, – признался он Евгению Сергеевичу.

В процессе разговора выяснилось, что Володя хотел начать «делать революцию» немедленно. И не где-нибудь в Казахстане, а здесь, в России.

– Причём такую, чтоб ни одна падла, ни одна гнида не ушла от ответственности, – хладнокровно пояснил он.

Володя полагал, что с «митинговой болтовнёй» следует заканчивать, ибо давно пора браться за оружие. У него даже есть на примете несколько армейских друзей, готовых, по его словам, вписаться в «стоящую движуху». И если уж партийцам была охота ехать воевать в алтайские горы, то не лучше ли начать создавать подпольные боевые группы в русских городах, в самой Москве?

Евгений Сергеевич выслушал его внимательно, не перебивая и не вступая в спор. Как и во время любого серьёзного разговора его тянуло закурить, однако сигареты он как назло забыл в «бункере» и теперь, пару раз машинально сунув руку в пустой карман, досадливо хлопал себя по пальто. Они стояли прямо на набережной, облокотившись на каменный парапет и глядя в медленно текущую мимо них коричневатую, незамёрзшую воду. Несмотря на шум проносившихся за спинами машин, Володя говорил негромко, но так, что его было отлично слышно:

– Для меня не проблема проделать дыру в башке продажного чиновника. За такое, если что, и пожизненный срок получить не жаль.

Евгений Сергеевич посмотрел на него испытующе, прямо в чёрные, неподвижные зрачки глаз, стараясь узреть, что же в них кроется: подлинная ли жажда вооружённой борьбы или же затаённое лукавство спецслужбистского агента?

– Сергеич, я за свой базар отвечаю, – спокойно выдержав его взгляд, произнёс Володя.

По его интонации, по выражению глаз, по мельчайшим движениям лицевых мускулов Евгений Сергеевич интуитивно понял, что эти слова – не хвастливый трёп, что тут всё понастоящему серьёзно.

А Володя, между тем, вдруг ещё сильнее понизил голос и, наклонив голову, тихонько сплюнул с набережной вниз, в реку:

– Но... но я не готов садиться за испорченный майонезом чиновничий пиджак, – честно признался он.

Люди, заводившие разговоры о стрельбе по вражьиим головам, за последние месяцы появлялись в организации всё чаще. Причём если ранее, до ареста Лимонова, большинство ратующих за разворачивание террора и партизанской войны выглядели либо безответственными болтунами, либо откровенными провокаторами, то теперь, после того, как Алтайская история приобретала всё большую огласку, в партию стали подтягиваться ребята совершенно другого склада – те, которые действительно желали конкретных радикальных действий. И что именно

им в данный момент следует предлагать, Евгений Сергеевич пока ещё точно для себя не определил.

– Понимаешь, Володя, – произнёс он после некоторого раздумья. – Не всё так просто и однозначно, как тебе кажется. Да, революция в стране – наша цель. Но цель эта отдалённая, в перспективе. На сегодняшний день до настоящей революции в России ещё очень и очень далеко. Потому, для того, чтобы её приблизить, мы и ходим на АПД,⁵ проводим митинги и пикеты, распространяем газету и выполняем ещё множество, казалось бы, скучных, но крайне необходимых вещей.

Володя на это тотчас возразил, что одними митингами и майонезными атаками ничего в стране не изменить, что Лимонов с ближайшими соратниками как сидели, так и будут сидеть в тюрьме, и (он в этом нисколько не сомневался) живыми их оттуда не выпустят.

– Пока вы будете на шествиях орать до хрипоты в матюгальники, они вас всех передавят – это как пить дать. Разве не видите, к чему всё идёт? – доказывал он. – Терять-то уже, по сути, нечего.

Каким-то образом Евгению Сергеевичу удалось убедить Володю в том, что партийную деятельность ему всё же следует начинать с дел сугубо мирных, «рутинных»: с тех же самых митингов и пикетов, с раздачи листовок.

– Извини, но это пока только первая беседа. Мы с тобой ещё едва знакомы, – привёл он весомый аргумент и, кашлянув, многозначительно прибавил. – Если останешься с нами и сможешь работать на партию как все – тогда да, другой разговор будет. О других вещах.

– О таких? – сдержанно улыбнулся Володя, изобразив движением руки пистолетный выстрел.

– Обещать сейчас ничего не могу, но жизнь может повернуться по-всякому. Наша партия существует в кольце недоброжелателей и даже откровенных врагов, поэтому кто может знать, как всё в итоге сложится? Может, и правда дойдёт дело до дырок в чиновничьих головах...

«Хотя мне бы этого очень не хотелось», – озабоченно закончил он про себя.

Зато Володя нетерпеливо хмыкнул:

– Поскорее бы.

Он одним из первых в Московском отделении вызвался ехать на выборы, и работал в Дзержинске на совесть, проводя на расклейках по десять – двенадцать часов в день. Уйдёт с утра с толстой пачкой чуть ли не раньше всех, потом вернётся днём порожний, быстренько съест на кухне пачку «доширака», запьёт парой стаканов чая – и снова на улицу, уже с новой пачкой. Вечерами, когда вымотанные партийцы, собравшись на «вписке», отдыхали и делились последними новостями, Володя, как правило, сидел один, в углу комнаты. В общие беседы не вступал, больше слушал. А если считал чей-то разговор пустым или глупым, то читал книгу или отправлялся опять на воздух, прогуляться перед сном.

В один из дней Володя забрёл в отдалённый квартал, почти вплотную прилегающий к полузаброшенным корпусам старых заводов. Облупленные, выпотрошенные коробки цехов приземистыми махинами возвышались над протяжённым, местами проломленным забором, создавая пейзаж совсем уж унылый и сумрачный. Сквозь обширные дыры в бетонной ограде отчётливо виднелись наваленные в беспорядке кучи мусора, ржавой изогнутой арматуры, всякого хлама.

«Б-р-р-р, – вздрогнул он непроизвольно. – Ну и руины».

До него сюда никто из партийцев вследствие дальности пути ещё не добирался, потому Володя решил обработать стоящие тут дома на совесть. Петляя среди нерасчищенных сугро-

⁵ АПД – жаргонное сокращение, принятое среди членов Национал-Большевистской партии (НБП) и обозначающее так называемые «акции прямого действия», под которыми понимались акты «бархатного терроризма» – символические захваты административных учреждений, помидорные атаки на публичных политиков и т. д. (Прим. автора).

бов, он переходил от одного двора к другому, не пропуская ни одного. Не торопясь, подходил к первому попавшемуся подъезду, ставил на снег пакет, доставал из него листовку и кисть. Затем из глубокого внутреннего кармана пальто извлекал банку с клеем и отвинчивал крышку. Два быстрых мазка – и аккуратно приложенный к стене прямоугольный лист бумаги бросался теперь в глаза любому входящему в дом. Володя тщательно разглаживал его рукой, подмазывая, если надо, отстающий край. Затем убирал банку обратно во внутренний карман, оборачивал кисть тряпкой, засовывал её в пакет, и всё так же спокойно, не спеша, шёл дальше, к следующему подъезду.

– Слышь, ты чего здесь дрянь всякую лепишь? – недовольно загудел внезапно вылезший ему навстречу крепенький, плотно сбитый тип. – И так уже всё вокруг позагадили.

Он был неопрятен, несвеж и, кажется, не совсем трезв. Но надвигался на Володю грозно, приосанившись, выставив вперёд, словно таран, свою широкую крепкую грудь.

Тот ничего не ответил. Извлёк как обычно из пакета листовку, провёл по ней кистью и приклеил прямо на подъездную дверь.

– Ты чё, не понял? – озлился крепыш.

И, сорвав только что прилаженную листовку, угрожающе рявкнул:

– Не фига тут свои бумажки развешивать!

Володя по-прежнему был невозмутим и сосредоточен. Он снова нагнул, снова вынул листовку из пакета, тщательно намазал её клеем и прилепил на то же место.

Мужик опешил. Округлив свои глубоко посаженные, кабаньи глаза и разинув поблёскивающий металлическими коронками рот, он издал какой-то нечленораздельный хрюкающий звук: не то негодования, не то изумления. Он явно не привык, чтобы ему перечили. По всей видимости, Володе «повезло» нарваться на эдакого местного «крутого», «грозу двора», коих, как правило, действительно побаиваются соседи. Подобных типажей, стремящихся устанавливать справедливость так, как они её понимают, встречается немало в провинциальных русских городах: тот машину не там поставил, этот окурки после себя на лестничной клетке оставляет...

Разъярившись уже по-настоящему, мужик скомкал в ладонях вторую листовку и бросил её под ноги.

– Вали отсюда. Быстро! – прорычал он, сжимая увесистые, будто тыквы, кулаки.

«Сейчас ты у меня со всех подъездов зубами эти листовки поотдираешь», – хотел заорать он, но, наткнувшись на Володин взгляд, полный холодной решимости, вдруг закончил иначе:

– Я и в других подъездах твою фигню сейчас посрываю.

Тогда Володя, который всё так же невозмутимо успел достать и намазать уже третью по счёту листовку, вдруг быстро шагнул вперёд и ткнул её проклеенной стороной в физиономию крепыша. А затем, молниеносным натренированным движением, дал подсечку, опрокинув этого поборника коммунальной чистоты в рыхлый сугроб.

– Ну вот ты и проголосовал, приятель! – удовлетворённо произнёс он, слегка возвысив голос.

Его противник, нелепо барахтаясь в глубоком снегу, громко мычал и, схватившись обеими пятернями за лицо, отдирал от него налитанную влагой, вязко приставшую к коже бумагу. А Володя тем временем развернулся и, проворно подхватив пакет, побежал прочь.

– Ур-р-р-рою, козёл! – бешено ревел ему вслед крепыш.

Продрав, наконец, глаза, он даже попробовал пуститься в погоню, но тут же неловко споткнулся и снова завяз в снегу, вторично проваливаясь своим грузным телом в его податливую рыхлость.

– Ур-р-р-рою, сука!!! Ур-р-р-рою!!! – разносился по двору его яростный рык.

Володя промчал, не оборачиваясь, через пару кварталов и лишь тогда остановился, переводя дух. Первым делом проверил, не растерял ли на бегу листовки, не выронил ли банку с клеем, после чего, быстро отдышавшись, перешёл уже на спокойный, размеренный шаг.

* * *

Когда он вернулся на «вписку», то она была почти пустой, так как большинство партийцев ещё не вернулись с расклейки. Лишь Глеб с Серёгой, успевшие обработать свои участки раньше остальных, пили чай и оживлённо болтали на кухне, да Дима Елагин разговаривал с кем-то в коридоре по телефону.

Работать партийцам было нелегко. Клей на сильном морозе быстро густел, замерзая, стоило поддержать банку открытой хотя бы пару минут. Парни ругались, отчаянно дули на тягучую, стынувшую на глазах жижу, на окаменевшую кисть, теребя пальцами её смёрзшиеся ворсинки.

– Ни черта тут чего прилепишь, – бухтел Серёга. – Здесь не листовки – здесь стикеры нужны. С ними-то всё просто: отодрал плёнку с задней стороны – и готово.

– Ничего, и так тоже можно. Ты, главное, банку за пазухой всё время держи, в тепле. Она там оттаивать будет.

Глеб брал кисть в руки и старательно выводил на бумаге густые мазки. Однако получалось неравномерно: один конец листовки оказывался промазан клеем почти сплошь, в то время как другой оставался практически чистым.

– Ничего, держаться будет, – говорил он, с силой прижимая листовку к стене дома.

Партийцы обрабатывали город быстро, и уже через несколько дней листовка с фотографией Лимонова красовалась на доброй половине улиц 250-тысячного Дзержинска. Вечерами, возвращаясь обратно на «вписку», они не отказывали себе в удовольствии полюбоваться изображениями вождя, в столь короткий срок сделавшимися здесь столь многочисленными.

На «вписке», куда съехалось уже два десятка человек из самых разных городов, Глеб чувствовал себя как рыба в воде. Известие о том, что руководство КПРФ отказалось снимать своего кандидата, на рядовых партийцев особого впечатления не возымело. Большинство из них вообще придавало мало значения подобным вещам.

– Выставили – и чёрт с ним! – резюмировал общее настроение Глеб, едва об этом узнав. – Лимонов всё равно всех круче.

Вечером того дня, когда из «бункера» сообщили эту неприятную новость, Елагин устроил на «вписке» собрание. Партийцы битком набились в большую комнату и расселись в ней на пол, окружив его плотным кольцом. Некоторым места не хватило, и они остались стоять в дверях, вытягивая оттуда шеи поверх чужих голов.

Не тратя время на вступление, он сразу заговорил о главном:

– Ребята, не надо падать духом. От этих политических проституток иного ожидать и не приходилось. Зюганов очень дорожит своими отношениями с Кремлём и, собственно, этого не скрывает. Кремль не простит ему поддержки Лимонова в какой бы то ни было форме, и Зюга это прекрасно осознаёт. Его решение выставить здесь в Дзержинске своего кандидата – это сугубо шкурное решение. То, что зюгановцы поступили именно так, толькошний раз доказывает, что наша организация движется единственно правильным, атакующим курсом. Не они, а мы сейчас по праву находимся в авангарде всей оппозиции в России. Да, помимо неослабевающего пресса властей и спецслужб нам придётся теперь выдержать ещё и конкуренцию с КПРФ, и это будет трудно. Но я уверен, что мы выйдем из этой ситуации с честью. Потому что у нас есть то, чего нет не только у Зюганова, но и у всех остальных политических сил в России: у нас есть партия. В прямом, подлинном понимании этого слова. Мы – сообщество людей, добровольно выбравших себе общую судьбу. И мы готовы идти до конца, ибо знаем, что на весах истории глубокая вера нескольких сотен «людей длинной воли» оказывается стократно весомее ленивого конформизма тысяч обывателей. В нас есть эта вера. И не только в победу на этих выборах, но и в нашу окончательную победу.

Притихшие партийцы слушали внимательно, с не по-юношески серьёзным, почти взрослым выражением лиц. В их молчаливой сосредоточенности, в обращённых к нему взглядах угадывалось многое: глубокая, искренняя вера, жажда борьбы, жгучая страсть.

– Всё зависит только от нас, – повторял Елагин вновь и вновь. – Сейчас наступил как раз тот момент, когда судьба не только этих выборов, но и дальнейшая судьба организации зависит от каждого из нас. От каждого. От его выдержки, воли, веры в конечный успех.

Однако Серёгу не особенно взбодрила такая речь, и он по-прежнему продолжал ворчать едва ли не по любому поводу. Даже сдобренный сахаром чай, который они с Глебом обильно глотали, стремясь заглушить в горле пряную остроту «доширака», казалось, не поднимал ему настроения.

– Говорю же, листовки – ерунда. Стикеры нужны, – с упорством продолжал он гнуть своё. – Стикерами не только остановки и подъезды, но и все автобусы, все лестничные площадки разукрасить можно. Без них – труба.

– Ты на стикеры деньги сначала сыщи, критикан, – произнёс, входя в кухню, Елагин. Его, обыкновенно всегда сдержанного и учтливового, заметно раздражало вечное Серёгино недовольство. – Думаешь, просто из-за лени своей мы заказывать их не стали? У нас и так денег в кассе кот наплакал. Тут на газеты бы с листовками наскрести, а тебе стикеры ещё подавай.

– Действительно, и без них обойдёмся, – поддержал Глеб. – Это ж тебе не Москва, где у людей в глазах уже пестрит от всяких надписей, плакатов, афиш. А здесь, в Дзержинске, и листовки очень даже заметны.

Появившийся на кухне Володя вызвал у всех неподдельный интерес – партийцы уже успели привыкнуть к тому, что он возвращается назад одним из последних.

– Ты чего это так рано? – невольно сорвалось с языка у Елагина. – Уже закончил?

Володя подошёл к столу, отыскал чистую чашку и не спеша налил себе чай.

– Хмыря одного приложил. Когда я агитацию в его дворе вешал, он сильно напрягаться начал, грозился даже посрывать их все. Одну мою листовку содрал, другую... Поэтому третью я ему прямо на табло пришпандурил. А потом ещё и уронил в сугроб.

– На табло? – Елагин несколько опешил. – Прямо на лицо что ли?

– Ага, на самую рожу, – сухо вато, без тени хвастовства подтвердил Володя.

Елагин присвистнул.

– Что, здоровый он был? – не удержался Глеб.

– Ничего так бугай, нахрапистый, – пожав плечами, односложно отвечал Володя. – Такие спиваются нескоро.

– Где это было-то хоть?

– Да далеко отсюда. Я из центра сначала по Ленина шёл, затём свернул на Свердлова – все столбы и остановки по дороге завешивал. А потом во дворы завернул, там промзона какая-то поблизости.

Глеб с Серёгой притихли, пытаясь представить схватку Володи с дворовым быком. Они за время своих расклеек уже успели тут навидаться всякого люда: и пузатых, обрюзгших мужиков, и угрюмых, иссушённых водкой работяг, и стриженных в кружок, исподлобья зыркающих парней. Потому картина этой скоротечной стычки представилась им особенно красочно, живо.

«А мне бы, интересно, хватило духу вот так же, как он, поступить, не спасовать? – непроизвольно призадумался Глеб, и, глянув украдкой на Володю, решил. – Хватило бы, сто пудов. В такой ситуации нельзя задний ход включать. Струсить – опозорить и себя, и партию».

Елагин раскрыл на столе карту города и, приглядевшись, ткнул пальцем в один из её углов.

– Здесь это было, да? – переспросил он для верности.

Володя скользнул по карте быстрым внимательным взглядом. Отпил чаю. Кивнул.

Елагин закусил губу, сцепил пальцы, хрустнув костяшками.

– Хорошо хоть не в центре. А то нам конфликты с гопотой ни к чему.

Володя утвердительно кивнул опять, но более не проронил ни звука.

Наступил вечер, и «вписка» начала постепенно наполняться народом. Уставшие от многочасовой ходьбы, промёрзшие партийцы сначала шли в ванную и с мылом под горячей водой тщательно отмывали свои густо перемазанные клеем руки, а затем уже садились ужинать. Сваренные вместе с тушёной макаронны, свежий хлеб и сахараженный чай, сладостью которого многие откровенно пытались заглушить ощущения несытого желудка, быстро возвращали им силы, и уже вскоре квартира оглашалась их весёлыми возгласами, гомоном, смехом. Партийцы с азартом делились друг с другом разными историями, рассказывая, кто в каких районах побывал, о чём разговаривал с жителями, как те отзывались о Лимонове, о предстоящих выборах...

– Пацаны, в ближайшие три дня по проспекту Свердлова в заводской микрорайон не ходим. Ничего там не клеим, никого не агитируем. Понятно? – объявил Елагин, когда все, наконец, оказались в сборе.

И, поймав на себе с десятков озадаченных взглядов, вынужденно, но кратко пояснил:

– У нас там не всё ровно с местным населением.

Володя был тих и не разговорчив, как всегда, никому более и словом не обмолвившись о случившемся. Даже, как показалось Глебу, намеренно ушёл в другую комнату и прилёг с книжкой. Однако Серёга быстро успел всем всё растрондеть, и вскоре уже вся «вписка» знала о сегодняшнем происшествии. Отогревшись, повеселевшие партийцы самозабвенно занялись одним из своих любимых дел: на чём свет стоит клясть обывателя. То тут, то там раздавались восклицания:

– Вот урод, а!

– Жлобьё чёртово!

– Листовка ему помешала... Когда всякие гопари во дворе бухают, он, небось, на них не бычит.

– Конечно, не бычит. Сам, небось, киргозлит с ними по-чёрному.

В комнату, где уединился Володя, началось целое паломничество – всем хотелось разузнать про драку из первых рук, во всех подробностях. Он поначалу отмалчивался, нехотя бурчал чего-то под нос, отделяваясь односложными скупыми фразами, чем непроизвольно лишь только разжигал всеобщее любопытство. А затем, когда его стали донимать всё настойчивее, быстренько встал, оделся и вновь направился на улицу.

– Пойду, пройду перед сном, – объяснил он Елагину и, кивнув головой в сторону остальных партийцев, прибавил. – А-то ведь не отстанут.

Однако Володя отправился не просто на вечернюю прогулку. С юных лет он приучил себя практически ежедневно совершать длительные, на выносливость, пробежки. Сначала, ещё будучи подростком, бегал в ближайшем к дому сквере. Затем, когда возмужал, совершал кроссы уже по окрестным кварталам. И, наконец, придумал для себя такое упражнение. Неподальку от его жилища, через пару дворов, с недавних пор высилась громоздкой торкалой новенькая шестнадцатизэтажка, отгроханная на месте бывших гаражей на удивление быстро, за какой-нибудь год с небольшим. Вот в ней-то отныне и начал бегать Володя – по лестницам, снизу и до самого верха. Поднимется так раз до последнего этажа, остановится ненадолго, чтобы сделать пару глубоких грудных вдохов, а потом поскорее сбежит вниз. И вновь наверх, вновь... Уже и одежда на нём промокнет насквозь, и на теле не то что пот, а жаркая испарина проступит, а он всё равно бежит и бежит, бежит и бежит...

Здесь, в Дзержинске, тратя практически всё время на агитацию, спортом заниматься Володя возможности не имел и поначалу испытывал от этого заметный дискомфорт. Его мускулистое, сотканное почти сплошь из сухожилий, связок и мышц, словно у гладиатора, тело с настойчивостью требовало привычной нагрузки. Поэтому сейчас, когда он, натянув поглубже шапку, лёгкой рысью побежал по улице, по утрамбованному пешеходами, заледене-

лomu снегу, оно начало испытывать приятное, почти сладострастное ощущение. Ровное, размеренное дыхание, скоординированность точных, экономных движений, привычно слаженная работа мускулов – всё это было в удовольствии, всласть.

Перекрёсток, едва освещённый слабосильным фонарём... поворот направо... ещё квартал, ещё... Теперь по дворам, по переулкам... по рыхлому глубокому снегу...

Когда, наконец, Володя вернулся обратно в квартиру и, сняв и разложив на батарее взорвавшую одежду, залез под душ, партийцы уже все разлеглись, кто где, но многие ещё не спали, продолжая из разных углов гундосить про выборы, «овощей»-обывателей и про свою грядущую победу.

Выходя из ванной и растирая насухо полотенцем жилистый гибкий торс, Володя услышал, как Ирокез обещает кому-то:

– Пусть к нам тут привыкают. Пора. После победы мы вообще, на хрен, Дзержинск в Лимоновск переименуем.

Глава VI

В утренние часы московский «бункер» обыкновенно бывал пустынен и тих. Те, кто жил в нём постоянно и при этом работал, разъезжались рано, ещё до девяти, до прихода «дежурного по полку». Те же, кто не работал, вставать не торопились, отсыпаясь в его дальних закоулках до тех пор, пока их не разбудят голоса явившихся в штаб по делам товарищей.

С давних пор в «бункере» был заведён такой порядок: в будние дни кто-нибудь из партийцев выполнял обязанности дежурного. То есть, неотлучно находился в помещении до самого вечера, встречал визитёров и отвечал на телефонные звонки (зачастую междугородние, из регионов), подробно записывая при этом в журнал информацию, если её адресат в данный момент отсутствовал. График дежурств составляли заранее, на неделю вперёд, и оглашали на собрании, проходившем каждый понедельник.

Сейчас, когда многие московские ребята отправились в Дзержинск, свободных, незанятых работой или учёбой партийцев в отделении почти не осталось, поэтому одним и тем же людям приходилось вести дежурства и по два, и даже по три раза в неделю.

Впрочем, Варвару, ту самую девушку, что несколько дней назад открывала Глебу дверь в «бункер», это нисколько не тяготило. Наоборот, в дни скучных институтских каникул она была рада приезжать сюда почаще. Дежурства сделались интересными – ведь столько всякого народу заглядывало теперь в партийный штаб по пути в Дзержинск, столько разных партийцев стекалось со всех краёв, в том числе и очень известных, про подвиги которых не раз писала «Лимонка».

Вот и сегодня, не успела она привычно расположиться за столом в приёмной, как заявился Алексей Концевич – крепенького вида молодой человек, руководитель недавно созданного магнитогорского отделения, прикативший в столицу на своей машине напрямик с Урала.

– Я на выборы, – сказал он, усиленно моргая красноватыми, непроспавшимися глазами. – Только Сергеича мне здесь дожидаться надо.

Варвара гостеприимно проводила Алексея на кухню и предложила чай.

– А завтрака нет никакого. Не готовил никто с утра, – сообщила она извиняющимся тоном.

Запасливого Концевича это, впрочем, нисколько не смутило. Налив себе полную чашку, он вытащил из рюкзака полиэтиленовый пакет, полный бутербродов.

– Угощайся, – обратился он к Варваре.

Она поблагодарила, взяла один, самый тонкий из всех, и поспешила назад, в приёмную.

Прочитав все записи в журнале дежурств за предыдущие сутки, она подчеркнула и обвела красными чернилами некоторые из них, наиболее важные, для того чтобы в течение дня проконтролировать – доведена ли информация до тех, кому она предназначена и исполняются ли поручения теми, кто их получил. Покончив со всем этим, Варвара взяла в руки несколько газет, оставленных кем-то с вечера, и принялась перелистывать их, ища статьи, которые были бы для неё интересны.

– Привет, Варюха! Как бодрость духа? – входя в приёмную, весело произнёс Бубнов, проскандировав приветствие в манере митингового лозунга.

По его виду было заметно, что проснулся он совсем недавно и, умывшись, даже как следует не обсох, продолжая на ходу тереть ладонью влажное, небрежно протёртое полотенцем лицо.

– Зигхайлюшки! – в тон ему воскликнула она, шутливо вскидывая правую руку.

Партийцы, дурачась, иногда любили здороваться друг с другом не «по уставу», специально изыскивая самые эпатажные и витиеватые приветствия. Услышать от них можно было,

что угодно: и мрачно-гротескное «Хайль!», и пафосно-героическое «Но пассаран!», и иронично-ёрническое «Шалом». Стронних людей, иногда становившихся случайными свидетелями таких забав, увиденное, как правило, здорово смуцало или даже отталкивало. Но партийцы лишь потешались от души, довольные тем, что им столь изящно удалось «шугануть обывателя».

Лениво позёвывая, Бубнов приблизился к столу, бросил рассеянный взгляд на газеты.

– Чего читаешь-то? – любопытствовал он.

Варя развернула к нему первой полосой ту, что держала в руках. Увидав шапку «Комсомольской правды», Бубнов скривился, не скрывая брезгливости.

– Это оставил кто-то, – пояснила она, невольно испытав неловкость. – И вообще-то, Димочка, всё время про революцию читать вредно. Чем наш «пипл» дышит, знать не помешает.

В очередной раз призывно запиликал стоящий в углу стола телефон. С началом предвыборной кампании звонки в «бункер» шли один за другим. По характерному, длинному сигналу Варвара поняла, что этот звонок – междугородний, быстро отложила газету в сторону и взяла трубку. Голос Елагина был, как всегда, деловит:

– Здорово, «бункер»! Евгсерг на месте?

Так иногда, для краткости, давнишние, бывалые партийцы называли Евгения Сергеевича, который на это совсем не обижался.

– Здорово! Ещё не приходил.

– Жаль. Мне-то он как раз нужен.

– А кому ж он теперь не нужен? – рассмеялась Варвара. – Он теперь всем нужен. Как эти выборы начались, так буквально нарасхват стал.

– Вот о выборах я с ним поговорить как раз и собираюсь. Ты, кстати, не в курсе, наше партийное руководство в Дзержинск выдвигаться скоро думает?

– Руководство? – повторила Варвара, подняв глаза на Бубнова. – Да со дня на день. Дима вот, например, сегодня вечером выезжает.

– Поскорее бы, а то дел тут по горло.

– Завидую, – протянула она мечтательно. – А у нас в Москве сейчас тоска зелёная. Вся движуха у вас, на выборах.

И что-то вдруг вспомнив, торопливо добавила:

– Слушай, а Глеб Лыгин там не рядом? Тема у меня для него одна есть.

– Глеб? – Елагин запнулся, вероятно, пытаясь в этот момент отыскать его глазами среди отправляющихся на очередную расклейку партийцев. – Да, здесь. Пока ещё не ушёл. Дать?

Когда Глеб взял трубку, Варвара сразу, без долгих предисловий, сообщила:

– Слушай, тут мама твоя в «бункер» звонит без конца – тебя разыскивает. Настаивает, просит, умоляет сказать, где ты находишься. Как я поняла, она вообще не в курсе, куда ты уехал и зачем, потому что не про выборы, а всё про какой-то концерт меня пытала. Пришлось придумать, что ты, мол, после него решил ещё в Питер сгонять, к другу в гости. Но, по-моему, она не поверила, потому что продолжает звонить и номер этого самого друга настойчиво требует.

Глеб, которого Елагин успел окликнуть буквально в дверях, сейчас на другом конце провода теребил подбородок и лихорадочно соображал, что же теперь ему делать. В эти дни он вспоминал о матери неоднократно и даже несколько раз порывался ей позвонить, однако никак не мог улучшить подходящий момент. Днём его на «вписке» не бывало, а утром и вечером повсюду толпился народ, говорить в присутствии которого ему не хотелось.

– И что ты ей сказала? – с тревогой спросил он.

– Я же говорю – отмазывалась по-всякому. Сочинила, что ты в Питер поехал. Что мне было ещё сказать?

«Чёрт, а что я ей скажу?» – подумал в свою очередь Глеб.

За время своего пребывания в Дзержинске он так и не сумел придумать ничего путного, однако говорить правду по-прежнему не хотелось. Любое упоминание о партии мать воспринимала крайне болезненно.

– В общем, Глеб, – подытожила Варвара, – уж будь так любезен: свяжись с родными и закрой как-нибудь этот вопрос. А-то я уж и так маме твоей наврала с три короба. Что ещё плести дальше – ума не приложу. А врать, между прочим – грех, и немалый. Так что ты давай там всё урегулируй и продолжай ковать на выборах победу вождя.

Голос Варвары звучал звонко, с лёгкими, почти шутливыми интонациями, но Глеб отчётливо почувствовал, что говорит она без насмешки, всерьёз.

– Ладно, позвоню сегодня, – пообещал он и вдруг неожиданно спросил. – Сама-то к нам сюда не собираешься?

– Не знаю, – ответила Варвара, совсем не ожидавшая подобного вопроса. – Как партия прикажет.

Она перевела взгляд на иронично ухмыльнувшегося Бубнова и быстро свернула разговор:

– Ну ладно, давай. Тут другим телефон нужен. Да, смерть!

Бубнов пригладил свои короткие, торчащие ёжиком волосы, и дурашливо подмигнул:

– Чего это ты, Варюха, о грехах заговорила? Никак веруешь, в церковь ходишь?

– Может, и верую, может, и ходить бы начать хотела. Да только кто ж объяснит, как там всё на самом деле, что к чему... – вздохнула она и затем вдруг с неожиданной жёсткостью отрезала. – И вообще, я о своих грехах говорила. Чужих, заметь, не касалась.

Бубнов несколько опешил от такого отпора, но ответить ничего не успел, потому как в этот момент во входную дверь раздался громкий уверенный стук.

– Кто бы это? – буркнул он под нос.

Варвара молча пошла открывать.

Через пару мгновений в приёмную быстрой твёрдой походкой вошёл стройный, лет сорока, человек. Вытянутое узкое лицо его было на редкость живо и подвижно, а взгляд чёрных, глубоко посаженных глаз, казалось, пытливо ощупывал всё, что попадалось на его пути.

– Всем привет! – бойко произнёс он и сразу же с деятельным видом осведомился. – Евгсерг на месте?

– Нет ещё, должен подойти скоро, – Бубнов крепко пожал ему руку и даже похлопал по плечу, но, как показалось наблюдательной Варваре, без особого радушия. – Я его тоже ожидаю.

Илья Зильберман, предводитель прогремевшего своими дерзкими акциями рижского отделения, не любил тратить время впустую. Вероятно поэтому, подчёркивая важность своего визита, он, снимая с плеча небольшой рюкзак, заметил:

– Я с поезда, сюда ненадолго. Было бы желательно сегодня же стартануть в Дзержинск.

– Уедем, никуда не денемся, – заверил появившийся в приёмной Концевич. – Я сам в Москву прямиком из Магнитогорска приехал, за полчаса до тебя. Тысячу шестьсот семьдесят девять километров намотал за тридцать шесть часов.

Зильберман уважительно цокнул языком:

– О как! Однако...

Но Концевич и Зильберман собирались в дорогу не только ради выборов. В расположенном неподалёку от Дзержинска посёлке Навашино, где для проведения предвыборной агитации партийцы несколько дней назад также сняли квартиру, должно было состояться совещание руководства организации (или исполкома, как его именовали сами партийцы), посвященное не столько самой избирательной кампании, сколько иным, более общим, стратегическим вопросам. За год, прошедший с момента ареста Лимонова, партия, вопреки прогнозам многочисленных злопыхателей, стремительно крепла и расширялась по регионам, прирастая иной раз

двумя-тремя отделениями в месяц. Поэтому серьёзный разговор о том, как им всем жить и действовать дальше, назрел.

Идея провести совещание именно на выезде возникла сразу по нескольким причинам. Во-первых, большая часть партийного руководства сейчас была плотно занята на агитации. Во-вторых, устраивать такую встречу в Москве было бы легкомысленно и опасно. Не было никаких сомнений в том, что во время многочисленных обысков «конторские» не только выгребли из «бункера» почти все мало-мальски значимые партийные документы, но и тщательно нащипговали его скрытой подслушивающей аппаратурой. Почти все московские партийцы уже свыклись с тем, что прослушивается теперь не только каждый квадратный метр их штаба, но и телефоны, и, даже наверняка, квартиры наиболее известных, примелькавшихся активистов. Постепенно они научились быть скрытными. Правда, оставались ещё отдельные скептики, утверждавшие, что любая конспирация бессмысленна, и спецслужбисты всё равно всегда всё узнают, потому как они «профессионалы». Но таким Евгений Сергеевич отвечал неизменно одно и то же: «Ну, так пусть и добывают нужную им информацию профессионально. Не зачем облегчать профессионалам жизнь. Они, в отличие от нас с вами, имеют весьма приличные зарплаты. Поэтому пусть честно их обрабатывают».

Первоначально встречу хотели устроить в самом Дзержинске, на «вписке». Однако Евгений Сергеевич, узнав, что в Навашино есть ещё не заселённое партийными агитаторами помещение, настоял на переносе совещания именно туда. Квартира в задрипанном посёлке городского типа, которую кураторы из ФСБ физически просто не могли успеть взять под контроль, была идеальным местом для открытого, без недомолвок, разговора...

– Кстати, Дима, – обратился Зильберман к Бубнову. – Ты не в курсе, как обстоит дело с газетой? Мне Евгсегг говорил, что с Прохановым удалось договориться. Тот пару спецвыпусков «Завтра» специально под эти выборы вроде как обещает сделать.

– Будет, будет газета, – утвердительно закивал головой Бубнов. – Сегодня должны её первый выпуск отпечатать. Сейчас главная головная боль – это как вовремя весь тираж в Дзержинск доставить.

И он полувопросительно посмотрел на Концевича.

– Да без проблем, – моментально заверил тот. – Сколько надо будет, столько раз из Дзержинска до типографии и сгоняю.

Алексей был человеком неторопливым, флегматичным, и выражение его лица почти всегда оставалось задумчивым и отчасти отрешённым, даже если он говорил о несерьёзных вещах.

Бубнова он хорошо знал ещё с Алтая, оба они были с Лимоновым в момент ареста. Конторские похватили тогда на пасеке партийцев без разбора и вместе, скопом привезли в Горно-Алтайск, «душевно» обещая в дороге каждому не менее пятнадцати лет тюрьмы за терроризм. Однако затем, продержав сутки в изоляторе и не сумев ничего толком добиться на допросах, всех, за исключением самого Лимонова и его самого ближайшего соратника, с неохотой отпустили на свободу. На прощание, правда, пригрозив пристрелить, если те снова вздумают сунуться к казахской границе.

Впрочем, обратно в алтайские леса Алексей не собирался больше и сам. Дорога к дому из Горно-Алтайска стала для него тем невидимым рубежом, перешагнув который уже никак невозможно окончательно вернуться к прежним занятиям, образу мыслей. Во всю эту историю он попал не то чтобы случайно, вовсе нет. Он был подробно осведомлён о деятельности партии, он никогда не позволял себе иллюзий и необоснованных надежд. Но, получилось так, что в Магнитогорске, он – начинающий частный предприниматель – долгое время был единственным членом организации. И там, в Алтайских горах, партию как таковую увидел впервые.

За несколько дней обратного пути, вновь и вновь переживая арест вождя, Алексей взбунтовался окончательно. Домой вернулся уже совершенно иной человек, в котором от бывшего бизнесмена осталась разве что только деловая хватка. Чем заниматься в обозримом будущем,

он знал теперь определённо. Конечно же тем, что в «бункере» любили именовать термином «партстроительство» – то есть, создавать в родном городе региональное отделение.

Для начала он, обойдя все киоски и ларьки с прессой, отыскал газетных торговцев, готовых взяться за продажу «Лимонки», после чего заказал из Москвы на пробу полсотни экземпляров очередного номера. Половину отдал распространителям, другую взял на себя. Сам отныне каждое воскресенье приходил ко входу в городской парк, и стоял там со свежей газетой по полдня, одетый во всё чёрное, в солнцезащитных очках, с обёрнутым в красное бицепсом левой руки. Подходили люди – глазели, спрашивали, советовали, спорили. Концевич отвечал обстоятельно, выверяя каждое слово, не выказывая нетерпения и не злясь.

Первого мая на демонстрацию он вывел двоих новых товарищей, и, пристроившись к хвосту коммунистической колонны, они шли по улице под партийным флагом браво и молодежато, не щадя глоток:

– Россия – всё, остальное – ничто! Нация! Родина! Социализм! Всё отнять и поделить, посадить и расстрелять!

Через месяц, на пикет у здания городской администрации, местных партийцев собралось уже пятеро. А в сентябре, когда люди по всему миру не могли оторвать замороженных взоров от теленовостей, на которых уже в тысячный раз авиалайнеры, будто боевые ракеты, врезались в нью-йоркские небоскрёбы, они, возбуждённые, восторженные, уже неслись по родному городу, лепя на каждый дом, на каждую автобусную остановку и на каждый столб наспех составленные, распечатанные на принтере листовки: «За Багдад! За Белград! За нашу любимую Родину!»

А ещё через пару месяцев Алексею с соратниками удалось возглавить и повести за собой людскую массу, стихийно вывалившуюся на улицы из-за внезапного и резкого, чуть ли не в два раза, вздорожания проезда в транспорте. Впоследствии он и сам иной раз удивлялся: как это, имея ещё совсем мизерный политический опыт, им удалось столь быстро и – главное – точно сориентироваться? Ведь почти все здешние завязтые оппозиционеры, годами проклинавшие режим с митинговых трибун, в тот миг откровенно растерялись, и только они – горстка партийцев, без колебаний рванули в самую гущу событий.

В те мгновенья он сполна ощутил мощь разгневанной, но переменчивой толпы. Эти простецкие с виду, зачастую бедно одетые люди, ещё недавно такие нерешительные и робкие, вдруг с удивительной готовностью откликнулись на его яростные призывы – так, словно только их и ждали. Добрая пара тысяч человек, ринувшись с ним в страстном порыве к площади, легко смела с пути растерянные милицейские патрули и заполонила её почти всю целиком. Вошедшие в раж партийцы во главе с Концевичем, высоко размахивая над толпой чёрно-бело-красными флагами и надрывно крича в фонащий мегафон, призывали людей на штурм мэрии.

– Льготы – народу! Чиновников – на хлеб и воду! – казалось, от их криков дрожат и вот-вот пойдут трещинами стёкла в чиновничьих кабинетах.

Возможно, распалившийся народ и двинулся бы на приступ, если б подоспевший вовремя ОМОН не преградил ему путь, спешно выстроившись плотной стеной возле самих дверей администрации. Так и стояли они друг напротив друга: шлющие проклятия, грозящие кулаками женщины, пенсионеры, старики – и экипированные по-боевому, насуплено сопящие из-под своих шлемов-сфер бойцы с резиновым дубьём.

Следующие два часа прошли нервно: работники горадминистрации и даже сам мэр всё же вышли к людям и бормотали что-то несуразное и несвязное, боязливо топчась на ступеньках крыльца, возле самой омоновской шеренги. Им долгое время не давали говорить, громко освистывая и осыпая ругательствами. Не без злорадства вглядывался Концевич в их потерянные, полные смятения лица. Непомерно заносчивые в иной обстановке, привыкшие бесконечно презирать «быдляр», они смотрелись теперь откровенно жалко, будто ошипанные индюки...

Осада мэрии прошла не зря – плату за проезд действительно снизили, а Концевич со своими ребятами на целый месяц сделались главными героями областной прессы. Изнывающие

от скуки провинциальные журналисты набросились на них, будто на заезжих звёзд столичной политики. Статьи, репортажи, интервью...

Если бы Алексей, желая поднять в «бункере» собственное реноме, отослал в Москву по почте все вышедшие про них публикации, то набралось бы, наверное, на объёмистую бандероль. Но он был скромен и чужд тщеславия, потому ограничился одним-единственным телефонным звонком, в котором сухо, но информативно поведал Евгению Сергеевичу об их новостях.

– Ну, вы дали жару! – восхищался тот. – Эти события – первый случай в партийной истории, когда нашим людям удалось по-настоящему возглавить стихийный народный протест. Вы – молодцы! А ты, Алексей, молодец в особенности!

В отличие от многих региональных руководителей, Концевича интересовали не только митинги, акции прямого действия и потасовки с милицией. Будучи человеком образованным, перечитавшим множество всевозможных книг, он, как мог, стремился подковать теоретически и остальных товарищей – в большинстве своём не слишком сведущих по части идеологии, но зато искренних и смелых ребят. Семинары после обычных собраний устраивались им регулярно, и он, случалось, по часу читал лекции, посвящённые работам Устрялова, Юнгера, Никиша.

«Настоящий партиец должен не только громко орать «Долой!», он должен много читать и думать, чтобы уметь убеждать окружающих в своей правоте, а не просто брать на горло», – любил подчёркивать Концевич.

Впрочем, не все в партийном руководстве приветствовали подобное. Зильберман, например, раздосадовано морщился всякий раз, когда слышал про организованные в Магнитогорске «партийные курсы».

«Заумные книжки можно читать до конца жизни, достигая при этом не политических, а метафизических успехов, – повторял он при всяком удобном случае. – Акции, акции и ещё раз акции! Всюду, по любому поводу, везде, где можно! Это нам сейчас необходимо, а вовсе не зубрёж многотомной писанины каких-то клиников⁶».

К любой идеологии Зильберман относился с плохо скрываемым пренебрежением, считая её не базисом, а инструментом политической борьбы, всегда подчёркивая, что он – не теоретик, а практик. Вот и сейчас, в завязывающемся общем разговоре, он обратился к Концевичу с вопросом, имевшим сугубо практическое значение:

– Не боишься надолго оставлять отделение? Деятельность без тебя не затухнет?

– Не затухнет, – без тени сомнения ответил Концевич. – Вместо себя парня одного толкового оставил, Ильёй зовут. 23 февраля на КПРФный митинг он наших выведет.

– А с прессой местной у вас как? Контакт не утрачен? – поинтересовался Бубнов.

– Куда ж он денется, контакт этот? Они про нас любят писать. Во-первых, реально больше не про кого, а, во-вторых, мы поводы им подбрасываем регулярно.

– Регулярность здесь главное, – подхватил Зильберман. – Вы с самого начала громко о себе заявили в регионе: листовки на городских улицах уже вечером 11 сентября – это отличный пиар-ход! А стихийный митинг под нашими знамёнами у стен мэрии – вообще супер! Поэтому нельзя опускать информационную планку, интерес прессы надо обязательно поддерживать и далее. Освещение журналистами наших акций – это шанс по-настоящему прорваться в медийное пространство. К нам есть интерес? Так отлично! Нужно ловить момент и налаживать как можно более тесные связи с журналистами. Не надо шарахаться от уважаемых, даже либеральных изданий. Причём, с ними-то как раз и следует законтачить в первую очередь. Не подмятые властью масс-медиа в России ещё есть. Такие, как, например, «Новая

⁶ Клиник – презрительная кличка, которой активисты НБП награждали своих оппонентов из числа догматичных приверженцев той или иной идеологии. (Прим. автора).

газета», «Коммерсант», радиостанция «Эхо Москвы» или даже, отчасти, НТВ. Все они имеют именно либеральную направленность. Наверняка, есть какие-то аналоги и в регионах. Люди либеральных взглядов, как правило, острее остальных реагируют на цензуру. Поэтому они – наши естественные союзники на данном этапе. Мы должны создать себе такой имидж, который бы их привлекал. Причём, постоянно, а не разово.

Зильберман умел говорить красноречиво, любил подавлять своих противников в споре многочисленными аргументами, многим казавшимися неоспоримыми. И чем длиннее бывали его монологи, тем больше он заводился, начиная сопровождать свою речь активной мимикой, жестами рук. Вот и теперь он вещал с напором, постепенно взвинчивая себя, и его круглые, похожие на маслины глаза, зажглись страстным огнём. Ещё до ареста он сделался у Лимонова любимцем, одним из ближайших приближённых. И теперь, как казалось многим, вера Лимонова в рижского «гау» только крепла с каждым месяцем. Передавая с немалыми ухищрениями из Лефортовского каземата обращения к членам организации, он повелевал в них прямо и однозначно: слушайте умного товарища Зильбермана, идите за ним.

Зачастивший в последние месяцы в Москву этот даровитый, но эксцентричный журналист, основавший на закате советской поры первую в стране порногазету, осваивался в московском «бункере» на удивление быстро. Его идеи и предложения, как правило, бывали неожиданны, зачастую парадоксальны, часто идя вразрез с тем, что партийцы культивировали годами. Как, например, сейчас: завлекать к себе либеральных журналистов, тогда как «Лимонка» уже восемь лет воспитывала партийцев в духе преклонения перед железными вождями, военными походами и битвами, «людьми длинной воли». Однако те, кто общался с ним близко, отлично знали, что этот человек – расчётливый прагматик, презирующий в душе любой эпатаж, а его слова и поступки, какими бы странными на первый взгляд они не казались, всегда бывают подчинены достижению вполне осязаемой, прозаичной цели. Он, в отличие от Евгения Сергеевича, вообще считал, что цель оправдывает средства. И никогда этого в близком кругу особенно не скрывал.

– Привлекать тоже надо с умом, а не абы кого, – произнёс в ответ Концевич. – Какая польза от того, что либеральные журналюги пургу про нас гнать станут? Все эти «Коммерсанты» одна только полоумная интеллигенция и читает, простому народу они до балды.

– Да какое нам дело до обывателей? – отпарировал Зильберман, имевший привычку раздражаться от любых возражений. – Они всегда послушно будут верить в то, что им спустят через СМИ. Общественное мнение в этой стране, – он именно так и выразился – «в этой стране», чем невольно резанул уши всем присутствующим, – формируют не рабочие и крестьяне, а интеллигенция, представители интеллектуальной элиты. А они, в отличие от обывателей, имеют широкий кругозор и способны отринуть стереотипы.

– Уже отринули, – усмехнулся Концевич с сарказмом. – Раньше просто фашистами называли, а теперь, после Алтая, ещё и террористами клеймят.

– Ну и что? Главное – нас показывают, про нас постоянно говорят. Лучше уж сюжеты про терроризм, чем гробовое молчание. Да и пресловутый терроризм, кстати, пугает не всех, кое-кого даже привлекает: мол, надо же, ребята не языком чешут, а дело делают. Ко мне сейчас в Риге кто только не пристаёт, чтобы узнать – что ж это за история произошла на Алтае. И, уж поверьте мне на слово, явного или скрытого уважения в этих расспросах видел я достаточно.

– Может, конечно, уважение в расспросах после подобных сюжетов и сквозит, но вот чтоб начать массово вступать в партию, постоянно обвиняемую в терроризме... – протянул Концевич скептически.

– Уже вступают! Уже! – загорелся Зильберман, так и радуясь предоставившейся возможности резануть очередным «убойным» аргументом. – Вот есть у нас в Риге партиец такой – Валентин Милютин, он недавно ещё к ограде российского посольства наручниками приковы-

вался. Так вот, пришёл он к нам ровно через неделю после захвата собора в 2000-м. Глаза горят, самого трясёт аж всего: «Блин, ваши парни собор этот грёбаный захватили! Это ж так круто! Это ж вообще охренеть!»

Войдя в азарт, Илья вещал всё громче, часто подёргивая головой, и на его матовой, туго обтягивающей острые скулы коже заиграл румянец:

– Вообще, нам нужны конфликты. С кем, где, по какому поводу – это вопросы, на самом деле, второстепенные. Наша организация живёт конфликтами. Поэтому она должна везде и всюду их отыскивать. В этом плане не должно быть никакого чистоплюйства, какое некоторые не очень сознательные товарищи пытаются стыдливо прятать, напяливая на себя маску некой принципиальности. Нас должно интересовать всё: работник и работодатель, пресса и цензура, выборы и фальсификации, чиновники и гражданские активисты, передел собственности и борьба элит – в общем, всё, где происходит столкновение каких-либо интересов. Необходимо вмешиваться всюду, где только можно, и везде участвовать, раскачивать, раздувать.

Произнося свою тираду, он расхаживал взад-вперёд по приёмной и энергично взмахивал правой рукой, собирая в кулак тонкие, длинные пальцы. Чёрная узенькая эспаньолка, острым клинышком торчавшая на его подбородке, придавала худощавому лицу Зильбермана несколько хищный вид. Что и говорить – убеждать он был мастер. Мало находилось в организации людей, рисквавших ему перечить или, хотя бы, вступить в серьёзную полемику.

– Да и вообще, вся человеческая жизнь с самого момента рождения – один сплошной глобальный конфликт, – назидательно заключил Зильберман, ущипнув кончик бородки. – Ни в коем случае не надо стесняться этого факта. Надо его всячески обращать к собственной пользе.

Присутствующие отнеслись к такому заявлению по-разному. Концевич выслушал молча, не меняя выражения лица, только чуть заметно хмыкнул в ладонь, Бубнов призадумался и, наморщив лоб, почесал за ухом, а Варвара тихо, но достаточно уверенно возразила:

– А я вот ни с кем конфликтовать не стремлюсь. Я только считаю, что всякие паскудники, которых, на самом деле, не так уж много, не должны мешать жить всем остальным людям. И для того, чтобы их приструнить, совершенно необязательно выискать повсюду склоки и дрязги.

Зильберман окинул её своим цепким, внимательным взглядом, оценивая по достоинству: «Симпатичная и наивная... И поэтому особенно привлекательная... В том, кто что кому и зачем в жизни должен, конечно же, ничего не понимает. Приструнить? Ну-ну...»

С его изогнувшихся в снисходительной улыбке губ уже было готово сорваться что-нибудь высокомерное и ироничное, но тут во входную дверь вновь постучали – призывно и долго.

– Евгсерг, наверное, – предположил Бубнов, идя открывать.

И точно – это был он.

– А, вы уже здесь, – сказал он, приветливо пожимая Зильберману и Концевичу руки. – Очень вовремя, – и, пристально посмотрев на Алексея, спросил. – Ты за рулём?

Тот утвердительно кивнул.

– В Дзержинск на машине собираешься или здесь её оставишь?

– Сергеич, ну сам посуди, для какой такой надобности я её здесь оставляю? Я же сюда и на поезде мог добраться...

– Всё понятно, извини – стормозил. Там автомобиль нужен позарез. Сейчас ребята уже не только в городе, но и по округу агитацию начали. На автобусах, маршрутках и даже на попутных машинах баулы с листовками перевозят. А теперь ещё и газета...

– Считаю вопрос решённым, – снова подтвердил Концевич. – И по поводу бензина партийную кассу не тревожь: топливо я сам оплачивать буду. Всё всем везде развезу. – И, посмотрев на Варвару, неожиданно закончил, – а до отъезда из Москвы могу и девушку покатать. Как полагается, с ветерком.

– С ветерком, герр гауляйтер, не надо, ибо не сезон, – нашлась она. – Или ты хочешь дежурного по «бункеру», ответственного партийца заморозить? Евгений Сергеевич, обратите внимание: это, по-моему, какая-то диверсия.

– Нет, Алексей, не судьба. Разве только на обратном пути в Магнитогорск. Тогда точно потеплее будет, – поддержал её Евгений Сергеевич, отметив для себя как технично, и вместе с тем не грубо, Варя противопоставила словосочетание «партийный товарищ» произнесённому Концевичем слову «девушка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.